

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2004

Право на благородство

1

— Советую вам быть осторожней, господин бард...

Элет вздрогнул и обернулся, но советник Айзермар уже спускался по узкой винтовой лестнице, громко шлепая по ступеням своими нелепыми башмаками с закрученными на южный манер носками.

— Советую быть поосторожне-е-ей! — перекинул советника сальф, прекрасно подражая его писклявому голосу. — Тьфу!

Элет сплюнул и тут же пригнулся, как будто ему действительно угрожал удар указкой по затылку; что делать — привитые в детстве хорошие манеры было не так-то легко изжить, как бы сильно иногда не хотелось.

«Ладно, обойдемся без плевков... на этот раз».

Перекинув через плечо лютню, бард пошел прямо по коридору, надеясь, что движется в правильном направлении, на указания советника вроде «иди прямо потом налево, потом назад» Элет особо не рассчитывал.

Лиринская архитектура славилась своей излишней запутанностью и помпезностью. Узкие коридоры и колодцы винтовых лестниц, способные вогнать в приступ клаустрофобии даже троглодита, витые мраморные колонны, хищно выдающиеся вверх острые зубы бойниц...

После резни Новой Луны лиринцы жили на берегу Кровавой в постоянном ожидании нападения с любой стороны. Они ненавидели гольенов, терпели триозерцев, презирали крондов и хаакар, панически боялись крошечный, едва насчитывающий три сотни жителей анклава

ульфэ, граничащий с их владениями в Пограничном лесу... Жители Алого Замка не любили никого, кроме людей из Северной Лиринской Империи. Желанными гостями здесь были лишь сильфы, но их принимали все народы без исключения, даже те самые изгой-ульфэ и недоверчивые жители Тхургольна.

Войдя в любезно предоставленную ему комнату, Элет обессилено упал на кушетку, сбросив с головы отяжелевший зеленый берет, ударившийся о пол с приглушенным металлическим звоном. Носить на голове все свое состояние, равное десяти серебряным гольнским гривенникам, предварительно расплюснутым в ближайшей кузнице — довольно утомительное занятие. Но все лучше, чем отдать их вместе с другими вещами стражам Алого Замка «на обыск». Лютня, одежда и дорогой бархатный берет — вот все, что позволили сильфу пронести с собой в столицу Восточной Лиринской Империи из уважения к его профессии...

Взяв со стола кухонный нож, Элет вскрыл швы своего любимого головного убора, и вытащил оттуда десять тонких серебряных пластин, составляющих вместе немалый груз. Кузнец поработал на славу.

Спрятав листы драгоценного металла в горшок с цветами и присыпав сверху землей, довольный своей изобретательностью, Элет на скорую руку сшил берет и отправился исследовать Алый Замок, в который его до этого заносило судьбой только один раз при весьма неприятных обстоятельствах, помешавших ему насладиться красотами восточной лиринской столицы.

Выйдя из темных коридоров замка на внешнюю стену, сильф прислонился к остроконечной бойнице из темного камня, наслаждаясь заходом солнца. Вид с вершины Лунного Пагорба открывался великолепный: город раскинулся у подножья замка мозаикой разноцветных крыш двух и трехэтажных домов, белым мрамором дворцов,

библиотек, театров и базилик, золотом церквей, увенчанных серебряными шпилями — священники Оплота Веры имели высокое влияние даже в милитаристском Лирине. В центре города находился круг выжженной земли и возвышался обелиск из черного мрамора. Памятник погибшим в резне Новой Луны, учиненной тхургольнцами над первыми поселенцами-людьми, занявшими Лунный Пагорб почти триста лет назад.

— Наслаждаетесь пейзажем, господин бард? — раздался тонкий женский голосок.

Элет повернул голову и встретился глазами с девушкой лет восемнадцати, одетой в шелковое белое платье. Ее светлые волосы были распущены и непокрыты, что по обычаям Лирина считалось символом верности будущему супругу.

— Госпожа Арадвед? — догадался Элет.

Девушка склонилась в неловком подобии поклона, принятом среди сильфов. Бард понимающе хмыкнул: она, похоже, подготовилась к его приезду.

— Для нас большая честь, что именно вы будете играть на нашей свадьбе...

— Жаль, что мои способности не оценили настолько высоко в Триозерье, — заметил Элет, пожалуй, чересчур резко.

Легкий порыв ветра донес до него запах полевых цветов, в изобилии растущих у стен Алого Замка. Арадвед застенчиво улыбнулась, увидев мечтательное выражение на лице барда, навеянное ароматом, несущего с собой знакомые и приятные воспоминания.

— Цветы, — Арадвед решила сменить тему разговора. — Они в изобилии растут у стен нашего замка. Говорят, что так случилось, потому что они были политы кровью.

— Сильфы верят, что там, где пролилась кровь, вырастает красный мак.

— Я... читала об этом, — неловко улыбаясь, сказал Арадвед. — Наверное, человеческая кровь притягивает другие цветы. Мы ведь пришли из степей... то есть, я читала об этом в одной книге.

— Это правда, — кивнул Элет. — Я знаю.

— Ой, простите, — девушка смущенно покраснела. — Вы, наверное, ужасно старый... ой! Какая я глупая! То есть не старый, конечно, по вашим, сильфским меркам...

— Пятьдесят пять.

— Простите, что?

— Мне пятьдесят пять лет, — сказал Элет.

Арадвед, смутившись еще больше, уставилась на Элета во все глаза. Для людей его гладкое, лишенное морщин лицо, длинные каштановые волосы, заплетенные в сложный узел прически, искрящиеся, живые зеленые глаза никогда не казались старыми ни по каким меркам.

— Сильфы не выглядят старыми даже перед смертью, — улыбнувшись, заметил Элет.

— Простите, что обидела вас.

— Вы меня не обидели. Сильфы гордятся своим возрастом и любят, когда их считают старыми.

— Правда? — недоверчиво спросила девушка. — Вы меня не обманываете? То есть... я хотела сказать это тоже...

— Нигде не записано? — скорчив сочувствующую мину, спросил Элет. — Не волнуйтесь, госпожа Арадвед, это древний обычай сильфов.

— Пожалуйста, зовите меня просто Ара, господин бард, — попросила девушка, — так делают даже служанки... то есть, я не хотела вас обидеть, господин бард.

— Элет.

— Что?

— Меня зовут Элет, — объяснил сильф. — У нас, сильфов, нет господ или слуг. Об этом тоже редко пишут.

Солнце окончательно скатилось за горизонт, послав земле свой прощальный луч. Первые звезды серебряными песчинками высыпали на идеально чистом куполе темно-синего неба.

— Идемте внутрь, Элет, — предложила Арадвед. — Здесь становится холодно...

— Да, конечно.

Двойные дубовые двери, ведущие на внешнюю стену, закрыли за ними два стражника в красно-черных одеждах: выход на стены в ночное время был строго запрещен, и последние любители полюбоваться закатом с лучшей точки во всем Восточном Лирине, спешно возвращались в нутро Алого Замка.

— Поймите меня правильно, Элет, — начала Арадвед, когда они вошли в главный зал пятого этажа гигантской крепости, — когда я узнала, что на мою свадьбу прибудет известный бард, да еще и сильф, то подумала, что нужно удалить некоторые пробелы в моем образовании, касающиеся вашего народа. Мне очень жаль, что библиотека Алого Замка оказалась не столь полной знаний, как казалось мне когда-то...

— Ничего страшного, — заверил ее Элет. — Я тоже многого не знаю о людях.

— О нет, вы прекрасно ведете себя в обществе, — запротестовала девушка, — немногие люди так хорошо воспитаны в области этикета, даже немногие аристократы...

— Благодарю.

— Не за что. Это правда.

Они миновали зал и направились по длинному коридору, ведущему в западное крыло твердыни.

— Можно спросить?..

— Разумеется.

— Куда вы меня ведете?

— Ой, какая я все-таки рассеянная! — воскликнула Арадвед. — Вы еще не знакомы с Тариком?

Скорее всего, она говорила о лорде Тарри дэ Лароун, своем женихе. Элет отрицательно покачал головой:

— Не имел чести.

— Он попросил меня привести вас к нему сразу после вашего прибытия в Алый Замок, — продолжила Арадвед. — Сейчас он в Зале Совета, ведет дискуссию с лордом Зенном из северных земель. Все это из-за постоянных нападений людей Зенна на пограничные земли Тхургольна. Зенн дурак, если думает, что гольены спустят ему такие выходки. Надеюсь, если они решат нанести ответный удар, Алый Замок не станет им мешать и предоставит Зенна расхлебывать последствия самостоятельно... так будет лучше для всех.

— Вы неплохо разбираетесь в политике, — уважительно подняв брови, сказал Элет.

— Вы еще не видели нашей политик, Элет, — покраснев, заметила девушка. — Я сейчас предоставлю вам «удовольствие» созерцать ее, тогда вы увидите, что в ней разберется даже свинопас.

Они остановились у широких двойных деревянных дверей, освещенных факелами, которые охраняли два стража, одетые в полную боевую лиринскую броню: панцирь, поножи и шлем из выкрашенной в красный цвет закаленной стали. Элет искренне пожалел бедняг, вынужденных часами стоять в тяжелом железе, вот кто, наверное, завидует элитной гвардии гольенского нойона, нукеры которой щеголяют в доспехах из дубленой кожи с прекрасно пригнанными пластинами из невесомого корабельного дерева, хоть и уступающего прочностью лиринской стали, но куда более гибкого и эластичного...

— Это вход в Зал Совета, — пояснила Арадвед, указывая на дверь, из-за которой были слышны приглушенные голоса. — Сюда может зайти любой желающий послушать выступление Совета, но у него должны предварительно забрать все оружие...

— А если желающих слишком много?

— Такого почти никогда не бывает... — замялась девушка, — жители Алого Замка не слишком интересуются политикой...

— Но ведь ты интересуешься, — отметил сифф.

— Да... я часто предпочитаю услышать новый указ, прежде чем его объявят прилюдно, к тому же мне нужно многому научиться, если я собираюсь стать женой политика. Ну что, зайдем?

Элет кивнул, и его проводница открыла дверь, впуская в коридор волну звуков. Стражники дернулись, но, увидев наряд Арадвед, успокоились, вернувшись к дежурству у закопченных факельным дымом стен.

Зал Совета имел форму полукруга, большую часть которого занимали длинные мраморные скамейки — места для зрителей и выступающих. В основном пустующие, как отметил Элет. Скамьи спускались вниз идеальными ступенями, заканчиваясь у небольшого возвышения, трибуны, по бокам которой стояли стражи, братья-близнецы тех, что остались в коридоре.

На трибуне стоял высокий стройный человек в белой мантии, перекинутой через плечо и застегнутой золотой брошью, на голове у него был венок из веток чертополоха — символ Голоса, за который когда-то пострадал Изис, отец Истинной Веры. Молодое лицо оратора еще не обросло бородой, но глаза, прикрытые упавшими на них длинными черными волосами, горели фанатичным огнем.

— Это Тарик, — сказала Арадвед, присаживаясь на скамью. Элет сел рядом, осторожно поправляя берет, который он не снял, входя в замок.

— Хорошо, что они дали ему право Голоса, он так хорошо умеет убеждать...

Молодой лорд Тарри в это время набрал в грудь воздуха и разразился пламенной тирадой:

— Наш достопочтимый коллега лорд Зенн без сомненья забыл о том, что Тхургольн по-прежнему остается сильнейшей морской державой после Крондари, к тому же его корабли можно легко приспособить к плаванию в речных водах. Интересно, что он скажет, когда они приведут свой флот под самые стены Алого Замка?

— Флот?! — захохотал сидящий у трибуны полный бородатый мужчина в зеленом камзоле. — Джонки и рыбацкие суда — вот и весь их флот...

«Лорд Зенн», — шепнула Элету Арадвед, хотя он и сам догадался об этом без ее подсказки.

— Втрое больше рыбацких судов, чем у нас, — парировал Тарри, — каждое из которых может взять на борт добрую сотню роингов. К тому же джонки — непревзойденные брандеры, лорду Зенну стоило бы лучше учить историю. В данный момент Тхургольн, не считая упомянутого лордом Зенном торгового и рыбацкого флота, владеет двумя сотнями средних и крупных кораблей: быстроходных парусников и гребных судов. Что мы можем противопоставить такой силе? Сто сорок галер и пять дредноутов?! Не стоит также забывать о сухопутной армии гольенов: стотысячная армия пеших ронингов, две тысячи конных цуриенов и пять сотен нукеров личной гвардии Гаруша, которая сама по себе стоит всех наших рыцарей. Мне продолжать?

— Вы переоцениваете силы Тхургольна, — взял слово седобородый старец в простой белой накидке. — Мы обладаем вдвое более подвижной и лучше подготовленной армией. Нукеры хороши, спору нет... но вот ронинги. Они не выстоят натиска нашей пехоты.

— Благодарю вас, лорд Фараг, — сердечно кивнул старику Зенн.

— Не нужно благодарить меня, — фыркнул Фараг, усаживаясь на свое место. — Вы склонны недооценивать угрозу, лорд Зенн, так же, как ваш коллега Тарри — переоценивать ее.

Элет задумчиво поглаживая подбородок, слушал речь политиков, Арадвед не сводила влюбленного взгляда со своего Тарика.

— Они действительно хотят начать войну? — спросил Элет.

— О, разговоры о войне идут, сколько я себя помню с детства, — улыбнулась Арадвед. — Мы всегда готовы отразить атаку Тхургольна, не более. После того как нойон-гольном стал Гаруш, ситуация улучшилась. Сейчас просто новый кризис... и все из-за этого недоумка, лорда Зенна!

Она хотела добавить по поводу персоны лорда северных земель еще что-то не очень лицеприятное, но Элет остановил ее, поднеся палец к губам. Тарри снова патетически поднял руку к потолку и продолжил, его выступления звучали отлично, но, на взгляд Элета, они были слишком пафосными.

— Лорд Зенн представляет опасность для нашей общей безопасности, — яростно жестикулируя заявил Тарри. — Я могу доказать вам, что дальнейшие действия его людей могут привести к войне. Той самой войне, которую мы опасались последние двадцать лет. Его люди провоцируют гольенов, они...

— Всенепременно докажите, лорд Тарри, — заметил Фараг, прерывая речь оратора. Он перевернул увесистые песочные часы. — Но ваше время Голоса истекло. Возможно, вам удастся убедить нас через неделю. После вашей свадьбы, кстати, забыл вас поздравить...

Фараг протянул спускающемуся с трибуны Тарри руку. Молодой лорд, улыбаясь, пожал руку старшего товарища и стремительно поднялся к сидящей на скамье невесте, окинув Элета радостным взглядом.

— Это он, Ара? — спросил Тарри, отбрасывая волосы со вспотевшего лба.

— Да, Тарик, это бард Элет, он сильф.

— Добро пожаловать в Алый Замок, господин бард, — поклонился на человеческий манер Тарри и учтиво протянул руку. Элет осторожно пожал ее, у сильфов не было подобных приветствий и все ограничивалось коротким кивком головы, который бард и проделал, глядя в горящие внутренним огнем глаза молодого лорда. — Для меня большая честь, что вы согласились выступить на нашей свадьбе...

— Взаимно, — вежливо улыбнулся Элет. — Могу я поинтересоваться, чем заслужил столь высокое обращение?

— Бросьте, господин бард, — с видом знатока заявил Тарри. — О вашей игре в Северном Лирине до сих пор ходят легенды.

— Боюсь, что там было больше легенд, чем настоящей работы.

— Вы слишком скромны, господин бард...

В ответ на это замечание Элет, не удержавшись, раздраженно поморщился.

— Тарик! — смущенно встряла в разговор Арадвед. — Разве ты не знал, что у сильфов нет слуг и господ? Простите, пожалуйста, Элет.

— Все в порядке, — заверил ее сильф.

— Предлагаю продолжить этот разговор в более уютном месте, как насчет ваших покоев, господин... то есть простите, Элет. Вы уже освоились? Надеюсь, эти параноики из гвардии Императора оказали вам должное уважение?

«Да уж... особенно когда отобрали изготовленный специально под мою руку меч и все мои пожитки, среди которых было немало ценных карт и бумаг», — подумал Элет, но вслух лишь вежливо согласился:

— Конечно, выпьем чего-нибудь горячего. Ночи в Алом Замке бывают очень холодными...

— Говорят, что это из-за душ несчастных, погибших при Резне, которые каждую ночь возвращаются в свои дома... — поежилась Арадвед.

— Как видите, Элет, легенд здесь у нас не меньше чем в Северном Лирине, — рассмеялся в свою очередь лорд Тарри.

2

В Восточной Лиринской Империи было множество недостатков, но одно достоинство Элет с радостью признавал за поданными Алого Замка, а именно: их способность готовить потрясающий чай. В этом они превзошли даже гольенов, у которых, собственно, и позаимствовали обычай выращивать этот божественный напиток, как и способ правильно его разливать и подавать. Но если в Тхургольне это было целым искусством, которому избранные посвящали всю свою жизнь, то в Восточном Лирине это умение считалось просто одним из правил хорошего тона.

Элет уселся в мягком черном кресле, придерживая курящуюся белым паром чашку тонкими пальцами. Рядом, на широком диване, расположились лорд Тарри и его невеста Арадвед. Камин, затопленный услужливыми слугами, трещал влажными поленьями кипариса и сандалового дерева, заполняя комнату изысканным ароматом.

Кипарисы не росли в Восточном Лирине — древесину везли через Вольные Земли из самой Северной Империи, и стоила она баснословных денег. Элет, оценив оказанное ему уважение, с большим вниманием посмотрел на хозяев. Если до этого у него были какие-то сомнения в том, что его пригласили только для того, чтобы играть на свадьбе, то теперь эти сомнения начинали подтверждаться — ни один хозяин не будет так тратить ради даже самого лучшего барда.

— Как вам нравится Алый Замок, Элет? — спросила Арадвед, маленькими глотками попивая горячий чай.

— Есть ли у вас к нам какие-нибудь просьбы? — добавил лорд Тарри.

— Я хотел бы вернуть свой меч, — сказал после недолгой паузы Элет. — Его забрали гвардейцы, когда я прибыл в Алый Замок. Это очень ценный клинок, его изготовили цвирги специально для меня, когда я... закончил свое обучения на барда.

— Эти гвардейцы слишком много себе позволяют! — с искренним негодованием воскликнул Тарри. — Я ведь предупреждал их, что вы мой гость, и запрет на пронос оружия вас никоим образом не касается. Не волнуйтесь, Элет, я лично прослежу, чтобы вам вернули меч и другие ваши вещи.

— Буду вам признателен.

— А теперь, Элет, — сделал многообещающую паузу Тарри, — нам будет очень интересно услышать о ваших странствиях. Особенно в Триозерье и Тхургольне. Мне доложили, что вы недавно побывали в этих краях.

— Да, пожалуйста! — сверкнув глазами, поддержала жениха Арадвед.

«Так вот оно что, — догадался Элет, — молодому лорду чертовски сильно хочется узнать, как идут дела в правящих верхах Тхургольна и Тан-Тарока...»

— У меня не самые лучшие отношения с Триозерьем, — уклончиво сказал Элет.

— Странно... я слышал, что Триозерье — родина сильфов, — приподняв брови в притворном удивлении, сказал Тарри.

Обученный распознавать малейшие проявления человеческих эмоций, Элет безошибочно определил, что лорд Тарри прекрасно знает об истинном положении дел в соседствующем с Восточным Лирином государстве, но притворяется неучем, чтобы выведать у заезжего барда побольше сведений... В конце концов шпионам нужно платить, а здесь представляется такая возможность получить нужную информацию бесплатно, что грех не воспользоваться.

«Что ж, в этом нет ничего плохого...» — подумал Элет и решил не разрушать игры молодого лорда.

— Это не совсем так, — звякнув чашкой о блюде, сказал Элет. — Триозерье — соборное государство всех проживающих там народов. Власть принадлежит одновременно всем...

— Это справедливо, — с видом знатока политических игр сказала Арадвед.

Элет с трудом сдержал улыбку. В девятнадцать лет часто видишь справедливость и порядочность там, где их нет и быть не может. Например, в политике.

— Это должно быть справедливым, — кивнул Элет. — Но... любая система совершает ошибки.

— Почему вы так спешно покинули Триозерье? — нагло спросил Тарри.

— Совету не понравилось сообщение, которое я привез из Тхургольна.

— Могу я узнать, что было в том сообщении?

— Разумеется, не можете.

— Прошу меня простить, профессиональное любопытство.

— Само собой.

— Та-а-рик! Можно хотя бы полчаса не говорить о политике? — возмутилась Арадвед и легонько толкнула своего жениха локтем под ребра. Лорд Тарри улыбнулся, проливая чай себе на тунику.

Элет смущенно отвел взгляд. Что-то ему не нравилось в этом лорде Тарри, скорее всего, чрезмерная, демонстративная порядочность. Тарри был прямо-таки иллюстрацией идеального сенатора, всегда следующего собственным принципам, высоко ценящим семейное счастье, молодого, привлекательного... Элет не верил в существование таких политиков, и потому смотрел на молодого лорда с подозрением.

«Прекрати, — сказал он себе, глядя, как Тарри и Арадвед смеются какой-то одной им известной шутке, — ты просто старый, избитый жизнью дрынчало на лютне, которого в свое время хорошо попинали все: люди, гольены, чиновники, солдаты, юристы, политики и даже проклятые мертвецы. Вот и видишь в каждом человеке что-то плохое, возможно, просто отражение твоих собственных недостатков».

Воспользовавшись паузой в разговоре, Элет взял прислоненную к кушетке лютню, быстрым движением поправил настройку струн, пройдясь пальцами по сложному грифу. Вдохнул, так, чтобы все краски, линии, звуки и запахи запечатлелись в сознании, подсказывая единственную верную, подходящую к данной ситуации мелодию...

Пальцы, распрямляясь, ударили по струнам, высекая из натянутых до скрипа, блестящих золотых нитей грустную, наводящую на глубокие мысли и чувства мелодию, еще раз... быстрее, быстрее, быстрее. Цвет, звук, запах, свет... цвет. Быстрее! Пальцы сами собой скользят по струнам. Глаза Арадвед, переполненные слез. Зеленые глаза. Как и его собственные глаза, отраженные в них. Отражение в отражении отражения. Цвет, звук, запах... Застывший взгляд лорда Тарри, замерзшее пламя в стальных омутах страстного взора молодого политика. Быстрее, быстрее... Руки барда слились в движении, пальцы скользили, сгибаясь и разгибаясь

в едином ритме, едва касаясь тонких, похожих на паутинки струн, и сильно ударяя по толстым канатам других — высекая из лютни звуки и едва не высекая искры. Капля чая сползла по эмалированной поверхности белой чашки, застывшей в руках лорда Тарри, красная, как кровь... цвет, звук, запах...

Сильф остановился так же неожиданно, как и начал играть. Руки, покрытые тонкой пленкой пота, чуть дрожа, замерли над струнами, все еще вибрирующими, все еще издающими медленно исчезающий, тлеющий как пламя камина звук. Запах сандалового дерева. Губы барда изогнулись в довольной улыбке. Слеза скатилась по щеке Арадвед, растроганной грустной мелодией.

— Похоже, — наконец промолвил лорд Тарри, — мы удостоились чести слышать лучшего барда по эту сторону небес.

Алая капля упала с доньшка его чашки, ударившись о белоснежную гладь туники, рассыпаясь на красные брызги...

Он стоял посреди степи. Один, прижимая к груди помятый синий цветок, один из лепестков которого оборвался, свисая беспомощными синими ниточками. Это наполнило Элета печалью. Он так и не понял почему. Слезы лились по щекам, вперемешку с красными каплями крови, сочащимися из тонкого пореза на лбу, заливающей лицо алой маской.

В небе кружил одинокий сокол.

Элет вытер кровь смятым цветком и бросил его на небольшой холмик, выступающий из глади степи. Цветок с легким хрустом упал на землю, орошая ее алыми каплями, смесью слез и крови. Он ушел, поклявшись не возвращаться...

Через год он уже не найдет этого холма — дожди и ветер сгладят его, не оставив барду никакой подсказки. Он будет, как безумный, носиться по степи, вглядываясь в ровный горизонт, в руках его будет новый цветок. А над головой — кружить сокол.

— Господин бард... — Элет резко обернулся, поправляя съехавший на ухо берет.

Советник Айзермар был все так же гладко выбрит, причесан и выглажен, как и вчера вечером, и также неприятно отталкивал своей манерой речи — противным растягиванием гласных. Приподнятые мысы его нелепых туфель смотрели в потолок.

— Господин советник Айзермар?

— Ваш меч, господин бард, — прилизанный низкий человек протянул Элету завернутый в ткань меч рукоятью вперед.

Сильф развернул ткань и провел ладонью по тонкой полоске полого лезвия: его меч, Элет не ошибся бы в этом, даже будучи мертвецки пьян, ему было гораздо проще перепутать свою и чужую ногу, чем принять ловкую подделку за настоящий меч, изготовленный для него в Академии.

— Благодарю.

— Не за что, — улыбнулся Айзермар, улыбка вышла, как ни странно, искренней. — Лорд Тарри отдал прямой приказ. И все же я хотел бы с вами поговорить. Всего пара слов. Надеюсь, вы простите мне наш предыдущий разговор, при знакомстве я произвожу отвратительное впечатление. Как вы смотрите на то, чтобы выпить чашку чая?

— Может, лучше пройдемся, господин советник? — сглотнул Элет, уж чего-чего, а чая он за последние сутки выпил предостаточно. Перед его

глазами все еще стояли алые капли, о которых он вспоминал всякий раз, заглядывая в фарфоровую глубину маленькой чашки.

— Как вам будет угодно. Меня всегда завораживал вид с западной стороны Лунного Пагорба.

Элет не показал своего удивления, судя по тембру голоса и выражению лица, советник говорил правду, насчет своего сожаления о предыдущем разговоре. Либо Элет осудил его преждевременно и Айзермар действительно хотел загладить свою вину, либо советник в совершенстве владел собственными эмоциями, чего Элет за людьми, даже политиками, раньше не наблюдал.

Каменный балкон располагался выше замковых стен, и вид на степь оттуда открывался великолепный. Советник не лгал — такое зрелище действительно могло заморозить кого угодно. Элет облокотился о холодные перила, внимательно слушая Айзермара и присматривая за ним краем глаза: ненавязчиво наблюдая за глазами советника, его лицом, руками, всем, что могло выдать нервозность, страх и ложь.

— Во время нашего первого разговора я советовал вам быть осторожным. Я повторяю свой совет, — начал советник, нервно теребя руками ворот белой рубашки.

— Я не совсем понял, в чем мне следует быть осторожным, господин советник.

— Политика... — советник Айзермар вздохнул, — порой принимает уродливые формы. Как вы думаете, зачем лорд Тарри пригласил именно вас играть на его свадьбе? Нанял за баснословные деньги, только чтобы насладиться вашей игрой на лютне?

— Полагаю, определенную роль сыграли мои отношения с Тхургольном, — медленно проговорил Элет.

Ему не хотелось рассказывать о своем разговоре с молодым лордом, но подтверждение своих подозрений он желал получить как можно скорее.

Советник Айзермар выглядел в этом смысле наименее заинтересованной особой. Он не принадлежал к какой-либо партии или группе политиков Восточного Лирина, и, насколько Элету было известно, не метил в верхи правительства, ограничиваясь своим незначительным влиянием при дворе Алого Замка.

«Незначительным влиянием на самого императора», — напомнил себе Элет.

Советник посмотрел на него с уважением.

— Именно так, господин бард! Вчера вы были в Зале Совета и могли лично убедиться в том, что лорд Тарри заинтересован в делах Тхургольна более чем кто-либо другой...

— Он пытается предотвратить войну. По-моему, это благородная цель, — сдержанно заметил Элет.

— Вы не знаете политиков, Элет. Благородство для них — пустой звук.

— Вы ведь тоже политик, господин Айзермар, — еще более сдержанно заметил бард.

Айзермар рассмеялся.

— Вы правы, но я, в отличие от Тарри, не претендую на совершенство.

— Это точно.

— Кх-кхм, — прокашлялся советник, игнорируя выпад сильфа. — Тарри заинтересован в том, чтобы избежать войны с Тхургольном, но отнюдь не потому, что он пацифист или сторонник мирного сосуществования с другими народами. Он по натуре своей торговец. Как вы думаете, кто из торговых факторий Восточной Лиринской Империи получает наибольшие барыши от торговли с Тхургольном?

— Поставщики древесины, — не задумываясь, ответил Элет.

— Совершенно верно! — подтвердил его догадку советник, глядя на барда с всевозрастающим уважением. — Земли Тхургольна — пустынные степи и солончаки, в то время как мы, Восточный Лирин, помимо леса Айдаран имеем доступ к Пограничному лесу и другим источникам древесины, которую сбываем Крондари и Тхургольну — государствам, не мыслящим своего существования без морского промысла. Не находите в этом никакого противоречия?

— Кроме того, что вы строите этой торговлей флот Тхургольна, которого так панически боитесь?

— Именно так! — воскликнул советник. — Без нашей древесины гольены будут вынуждены покупать материалы для своих знаменитых парусников в Крондари или Вольных землях, перекупать нашу же древесину, но в три раза дороже. Такое торговое ограничение будет стоить им половины флота, ровно той половины, которую мы так отчаянно боимся.

— Так почему же торговля продолжается?

— Потому что кое-кому в Зале Совета очень не хочется терять прибыли, получаемые от торгового налога и своей доли в мануфактурах страны. А теперь угадайте, господин Элет, кто из советников владеет наибольшей долей прибыли торговых компаний ведущих дела с Тхургольном?

Элет сглотнул и не ответил, буравя взглядом горизонт.

— Вижу, вы догадались. Да-да, это наш идеалист и пацифист лорд Тарри дэ Лароун. Теперь, надеюсь, вы видите, кто здесь сторонник войны, а кто — мирного разрешения конфликта?

— Вы поддерживаете лорда Зенна, но он своими действиями может спровоцировать войну...

— Верно, но нарушить при этом торговый оборот и заставить гольенов раскошелится на дерево, сократив расходы на оснащение флота.

Война неизбежна, мы с вами это прекрасно знаем, господин бард. В Тхургольне нойон-гольн Гаруш пытается взять власть в свои руки, вырвать ее из лап совета старейшин. Как вы думаете, куда будет направлен первый удар вновь объединившихся гольенов? Зенн пытается начать войну, пока мы еще можем ее выиграть. Через десять-пятнадцать лет Тхургольн построит из нашего дерева непобедимую армаду, блокирует устье Кровавой и осадит Алый Замок ...

Элет задумался, проигрывая в голове различные варианты. Советник Айзермар был прав, также как и лорд Тарри дэ Лароун, так же как и лорд Зенн, так же как и гольенский нойон Гаруш... Элет ненавидел политику, именно потому, что каждый успешный политик был по-своему прав, желал счастья и благоденствия своей стране и в душе был пацифистом, не желающим войны. И все же все они приводили мир к кровопролитным войнам и конфликтам, единственным последствием которых были горы трупов и моря крови. Именно поэтому политики были лишены права благородства.

— Тогда... почему Тарри так интересуется тайной перепиской Тхургольна и Триозерья?

— А вот это я как раз хотел бы спросить у вас, Элет.

— Я не знаю, — честно признался сильф.

— Плохо. Потому что я и Зенн тоже не знаем, и поэтому Тарри опережает нас на один шаг. Пускай вас не обманывает его показной идеализм, — советник помолчал. — Элет, я хочу вам предложить небольшую сделку...

— Я здесь не для того, чтобы заключать подобные сделки, — предупредил его бард.

— Я понимаю, и все же... все знают как вы, сильфы, относитесь к Восточному Лирину, — советник почесал подбородок. — Вы не могли

бы... выяснить, зачем лорду Тарри знать детали тайной переписки Тхургольна и Триозерья?

— Нет, Айзермар, я не стану использовать свои способности на службу политике, — твердо отрезал Элет.

— Но...

— Даже не просите меня об этом. Политики лишены благородства. Я же, к счастью, могу позволить себе быть благородным сильфом своего слова.

Советник пронцательно посмотрел на Элета и помолчал, наслаждаясь запахом степных цветов, доносимых ветром даже на огромную высоту главной башни Алого Замка. Элет вспомнил, как меньше суток назад стоял на противоположной стене, наблюдая за закатом вместе с Арадвед, будущей леди дэ Лароун. Каким же все другим, более чистым казалось ему тогда! Он проклинал политиков, испортивших в его глазах эту незамутненную чистоту юношеского идеализма и любви. Теперь он с большим вниманием вспоминал слова Тарри, его жесты, мимолетные взгляды и нервное пожимание плечами — все то, что ранее заслоняла от него пелена идиллии, брошенная хитроумным и расчетливым торговцем, скрывающимся под личиной молодого правдолюба.

— Тогда позвольте мне еще раз посоветовать вам, не как политик барду, а как человеку сильфу. Ведь когда-то давно и я имел право на благородство. Будьте осторожны, господин бард, не дайте нам сделать вас пешкой в своей игре. Я советую вам это искренне.

— Спасибо за предупреждение, советник Айзермар...

Обряд бракосочетания в Лиринской Империи был во многом позаимствован у крондов: во время своего последнего пребывания в Триозерье Элет вдоволь насмотрелся на те же огромные, усеянные гирляндами цветов залы, длинные, неудобные и излишне помпезные одежды гостей. Отличием была лишь симфоническая музыка укрывшегося в мраморной ложе оркестра и бесконечная череда произведений искусства, от картин и скульптур до экзотических тхургольнских бонсаи. Некоторые гости видели в этом излишний символизм и показную дружбу семьи дэ Лароун с гольенами, представители которых, кстати говоря, присутствовали на свадьбе в составе полноценной делегации. Всё это толпилось и мешалось в огромном круговороте, репетируя в ожидании завтрашнего торжества.

Элет, как совершенно необходимая деталь всей церемонии, и, как следствие, ее многочисленных репетиций, был поглощен этим безумных круговоротом имен, лиц и титулов, из которых он в лучшем случае помнил лишь половину. Несколько часов он крутился возле оркестровой ямы, пытаясь наигрывать что-то на лютне, однако перекричать многочисленную толпу так и не сумел, после чего, решив, что его отсутствие не будет замечено, ретировался к столам с едой, накрытым и сервированным в полном соответствии с тем, как это будет выглядеть на церемонии.

Огромные дубовые столы, изготовлением которых издревле славился Восточный Лирин, были длиной в несколько десятков метров, и все несколько десятков метров полированной древесины были заставлены тарелками с самыми разнообразными блюдами, бутылками с самыми изысканными напитками и стаканами из самого лучшего шадогоарского хрусталя. После минутного созерцания всего этого великолепия, сопровождавшегося сильным урчанием опустевшего за день желудка,

Элет был вынужден признать — семья дэ Лароун явно не страдала излишней скромностью или финансовыми проблемами.

У стола его нашел лорд Зенн, одетый в бело-золотую мантию аристократа, с ехидной улыбкой на некрасивом, плохо выбритом лице, отливающим черной щеткой пробивающейся бороды.

— Добрый вечер, господин бард.

— Приветствую, лорд Зенн, — Элет склонился в идеальном поклоне, стараясь не задеть стоящих сзади людей грифом висящей на спине лютни.

— Какие манеры, я даже на мгновение забыл, что нахожусь в нашем диком и полудивилизованном Алом Замке.

— Для полудивилизованного и дикого места у вас отличные повара, — сообщил Элет, деликатно откусывая кусок лепешки с рисом, приготовленной по гольнскому рецепту.

— Верное, верно... — согласился Зенн.

Потрясая объемистым брюшком, он склонился над столом, потыкал пальцем в оставшиеся на золотом блюде лепешки и разочарованно вздохнул. — Вот только готовят они всякую гадость. Боюсь, что наш дорогой друг лорд Тарри окончательно свихнулся на всем гольнском.

— Я слышал, что на церемонии присутствует делегация из Тхургольна, — осторожно заметил Элет.

— Да? Ну а я о чем говорил, а? — Зенн фамильярно хлопнул Элета по плечу, заискивающе подмигивая ему с видом заговорщика. Сильф вежливо отошел на шаг в сторону, соблюдая дистанцию, предписанную этикетом.

Ему не нравился лорд Зенн с его простецкими, грубыми манерами, вызывающими речами и ухмылкой истинного политика, потерявшего, выражаясь словами советника Айзермара, последнее право на благородство.

— Не будем об этом, лорд Зенн, — Элет прервал готовящуюся вылиться на него тираду о глупости и наглости «проклятых гольнов». — Я, как сифф и деятель искусства, ставлю себя выше проблем расового характера и предпочитаю держаться подальше от политики, с которой, к сожалению, в последнее время сталкиваюсь чрезвычайно часто.

— Уф, вижу, старик Айзермар уже взялся за вас. Бедняга во всем видит интриги и заговоры.

Элет оставил реплику толстого лорда без комментариев. Зенн нахмурился, но потом его лицо снова растянулось в ехидной ухмылке.

— Искусство, говорите? Что ж, господин бард, я ведь тоже большой любитель искусства, пойдёмте, покажу вам нашу галерею.

Элет медленно кивнул, зная, что этого разговора ему не избежать. Интересно, почему все обитатели Алого Замка считают его тхургольнских шпионом, везущим с собой сумку тайных писем из Триозерья? Почему, в таком случае, не приказали страже упечь его в темницу и хорошенько прижечь пятки, пытаясь помимо плодов бурной фантазии, какие обычно выдают истязаемые пленники, те немногие сведенья об отношениях Тан-Тарока и Раконрангиара, о которых ему было известно.

Лорд Зенн вывел его из переполненного зала через боковую дверь. Миновав заполненную дымом и паром кухню, по которой сновали одетые в черно-красную униформу слуги, Элет и Зенн, поднявшись по винтовой лестнице, оказались в уютной маленькой галерее со стеклянным сводчатым потолком. Сквозь толстое стекло можно было видеть алые, в цвет заката, облака, неспешно плывущие по небу. Света угасающего на горизонте солнца было недостаточно, чтобы осветить узкий, петляющий коридор, и вездесущие слуги уже начинали развешивать по стенам бездымные лампы. Стены галереи были сплошь увешаны разнообразными картинами, написанными на всевозможных поверхностях начиная от классического для Лирина холста и заканчивая экзотическим папирусом,

деревом и даже пергаментом. Элет увидел вделанные в стену рельефы, вырезанные на цельных глыбах камня.

В галерее было на что посмотреть, но Элета не покидало чувство, что лорд Зенн привел его сюда показать нечто особенное, а не просто похвастать своими познаниями в изобразительном искусстве.

— Ну, как, впечатляет, а?

Элету уже порядком надоело Зенновское «аканье», но воспитание мешало ему признаться в этом.

— Некоторое работы, без сомненья, заслуживают внимания, — уклончиво ответил Элет.

— Действительно, — согласился Зенн и подвел сильфа к огромному полотну, занимающему едва ли не всю стену, — например, вот эта. Грандиозно, не правда ли?

— Изис, истязаемый в твердыне Последнего пристанища, — прочитал Элету. — На мой вкус, слишком мрачно.

Картина изображала пожилого седеющего мужчину в сером плаще, которого прибивали гвоздями к крутящемуся над жаровней колесу. Лицо мужчины сохраняло спокойное, сосредоточенное выражение, хотя его кровь струилась из многочисленных ран, окропляя плащ. Лица палачей были неприятно искривлены в кровожадных улыбках.

«Художник изобразил ульфэ слишком уродливыми», — решил про себя Элет.

— Мрачно! — фыркнул Зенн. — Еще бы ей не быть мрачной — она изображает ужаснейшую сцену ужасного времени. Ульфэ — проклятое племя, разве вы не согласны, господин бард?

— Да, да, конечно, — рассеянно пробормотал Элет, гадая, на что намекает Зенн.

— Кстати говоря, бабка нашего дорого лорда Тарри была ульфкой, — как бы невзначай бросил Зенн, краем глаза наблюдая за реакцией сильфа.

Элет равнодушно пожал плечами. Его не удивило заявление лорда Зенна, напротив, оно многое объясняло — например, потрясающее умение Тарри держать себя в руках и не выдавать своих истинных эмоций. Невероятно для человека столь юного возраста! Элет уже готов был усомниться в собственных способностях, но вовремя появившийся со своими обвинениями лорд Зенн поставил все на свои места: ульфэ, насколько Элет знал из сказаний, всегда отличались ледяным самообладанием, за что и получили свое прозвище. Дети льда.

— Тогда лорд Тарри, безусловно, пошел в дедушку, — заметил сильф после некоторого молчания.

Зенн оглушительно расхохотался, нарушив покой галереи. Один из слуг даже испуганно подскочил на стремянке, уронив масляную лампу, со звоном разбившуюся о каменный пол. Неловко улыбаясь, он начал поспешно убирать осколки.

— Разделяю ваши надежды, господин бард, — хмыкнул Зенн.

— Меня всегда интересовало, какая часть легенды о Изисе, правда, а какая — вымысел? — Элет задумчиво посмотрел на лицо изображенного на полотне старца.

Никто точно не знал, как выглядел святой мученик, ни одного его прижизненного портрета не сохранилось после бегства людей из Земли Олдарн. И все же художники не переставали изображать его как седовласого, мудрого и доброго мужчину в серых одеждах.

— Эта часть является истинной правдой, господин бард, — заявил Зенн, перебирая толстыми пальцами. — Я сам был в Оплоте Веры и видел колесо, на котором истязали святого мученика. Его кровь, запекаясь на

ветхом колесе, горит каждый месяц в тот день, когда он был убит. Это безвредное пламя, я сам прикасался к нему.

— Очень интересно, — заметил Элет. — Когда я был в Тхургольне, мне показывали химическую смесь, которая горит почти таким же образом. Гольены заправляют ей шутихи.

— Вы еретик, господин Элет? — приподняв бровь, подозрительно спросил Зенн.

— Нет, я безбожник.

— В Оплоте Веры есть люди, которые не делают разницы между безбожниками и еретиками.

— Я рад, что мы не в Оплоте Веры, — искренне признался Элет.

— Что ж, я тоже, — хохотнул Зенн. — Церковь накладывает слишком большие ограничения на наши низменные желания. Хотел бы я знать, почему? В конце концов, именно любовь к жизни и делает людей людьми.

Он похлопал себя по объемистому животу, обтянутому белой тканью туники.

— Идемте, хочу показать вам кое-что еще...

Элет согласно кивнул.

На этот раз они остановились у небольшой картины, написанной кистью неизвестного художника на подгорелой в углах дощечке. Картина была помещена в золотую раму.

— Резня Новой Луны, — сказал Элет, даже не приглядываясь к подписи на раме.

Он много раз видел репродукции. Это же был оригинал, чудом уцелевший в огне, охватившем Альый Замок несколько столетий назад, во время первой войны с Тхургольном.

Выполненная в кроваво-красных тонах картина изображала страшную бойню, учиненную в первом укреплении Лунного Пагорба

почти четыре столетия назад. Люди в белых одеждах Лирина и Оплота Веры отчаянно защищали стены небольшой деревянной крепости от гольенов, чьи глаза горели алым огнем убийства и жажды крови, впоследствии давшей название восточной столице Лиринской Империи. Позади защитников крепости стояли заплаканные женщины с ножами в руках, готовые убить своих детей — лишь бы те не достались обезумевшим от ярости воинам Тхургольна.

— Говорят, что это работа Васко Окана, прославленного художника и скульптора того времени, — задумчиво проговорил Зенн.

Элет кивнул, раздраженно глядя на толстого лорда. Неужели он думает, что Элет и в самом деле не знает, кто такой Васко Окан?.. Или же просто лишний раз намекает на какой-то очередной малоприятный аспект предстоящей свадьбы. Лорд Тарри действительно призывает к мирному существованию с Тхургольном, но эта идея была далеко не нова. Многие прогрессивные политики высказывали ее еще во времена Великой Лиринской Империи, ныне раздробленной на десятки мелких княжеств и государств, сохранивших за собой лишь старые названия и имена правителей, каждый из которых безошибочно проводил свою родословную едва ли не от самого Левтона Эквенди.

— Жаль, что здесь нет других замечательных полотен, — задумчиво проговорил сифф, — скажем: «Лорд Готор, истязавший пленных после битвы у Трех Холмов» или «Погром Последнего Прибежища рыцарями Оплота Веры». Воистину здешняя галерея многое теряет без этих картин.

Зенн нахмурился и покосился на Элета, явно недовольный подобным ответом.

— Не мы начали первую войну с Тхургольном, — заметил он. — Это они вероломно напали на Новую Луну и перебили всех ее жителей, в большинстве своем детей и женщин.

— Некоторые называют это превентивным ударом.

— Не знаю, как некоторое, — хмыкнул Зенн, — а я называю вещи своими именами. Это была резня, господин бард. Дед моего прадеда видел эту бойню, он спасся только потому, что гольны почитали его мертвым. Он лежал среди трупов три дня, пока его не нашли воины армии Готора. Эта история передается в моем роду из поколения в поколение. В то время как раз перед Резней, были люди, такие же замечательные люди, как наш дорогой лорд Тарри, которые призывали к мирному сосуществованию. К уважению и взаимному обогащению. Они говорили чертовски много хороших и красивых слов, и их слушали. Сначала казалось, что слушали обе стороны. Но потом, однажды ночью, пришли гольны с глазами, красными от ярости и жажды крови — и Новая Луна за одну ночь превратилась в Алый Замок.

— Это было почти четыреста лет назад, лорд Зенн, — устало сказал Элет, разглядев в глазах тучного аристократа фанатичное пламя ненависти, ему уже встречались подобные люди, которых ничто не могло разубедить в собственной правоте. И что самое страшное, они были тоже по-своему правы, только вот для доказательства собственной правоты они не пренебрегали никакими методами. Для общего блага, разумеется.

— Всего лишь четыреста лет назад, — поправил его Зенн. — Вы знаете такую поговорку: «кто забывает историю, тот обречен на ее повторение»?

— Да, — кивнул Элет, — но у нас, сильфов, есть своя поговорка: «помни будущее».

— Туманно, как и все сильфское, — фыркнул Зенн, ударяя кулаком об открытую ладонь. — Мы же здесь говорим о вполне конкретных вещах, господин бард. Все эти слова — это прекрасно. Я тоже могу говорить красивые слова о мире, сотрудничестве и братстве. Реальности ими не изменишь. А реальность такова: нойон-гольн Гаруш собирается вернуть своему народу земли до самого русла Кровавой, до самого порога Алого

Замка. Все земли Восточной Лиринской Империи, некогда завоеванные милым вашему сердцу Готором и рыцарями Оплота Веры. Гаруш поклялся в этом при курени Раконрангиара и сейчас делает все, чтобы его мечта осуществилась. Наш общий друг Тарри прав: у Тхургольна есть неплохая армия и прекрасно экипированный флот. И он растет с каждым днем. Сейчас мы еще можем остановить Гаруша, нанести собственный превентивный удар: уничтожить их флот, пока он не вырос до размеров непобедимой армады, перебить армию, снять Гаруша с престола нойонгольна и посадить туда его младшего брата Варигха. Да, господин бард, я знаю, что вы мне хотите сейчас сказать. Погибнут сотни, может быть, тысячи. И наших людей, и гольенов, которых я, несмотря на то что вы думаете, вовсе не ненавижу. Но если мы и сейчас смолчим, если понадеемся на мир, дружбу и братство, то одной холодной зимней ночью гольны снова постучат в наши двери. И тогда погибнут десятки тысяч с обеих сторон. Я уже почти заручился поддержкой Крондари: чем больше государств будет на нашей стороне, тем меньше будут жертвы. Мне нужна ваша помощь, Элет. Я знаю, вы не последняя фигура при дворе Тан-Тарока. Знаю также, что сейчас вы в немилости. Я помогу вам, поддержу и заставлю совет земель Триозерья выслушать вас. Вы обладаете потрясающим даром убеждения, господин бард, об этом шепчутся во всем Северном Лирине. Мы вместе заставим их выслушать нас, заставим Тан-Тарок и Дарий внять гласу рассудка, а после этого, заставим сделать это и Тхургольн, к сожалению, не без помощи оружия. Я не мясник, каким хочет меня выставить Тарри, я такой же человек, как и он, у меня есть жена и дочь, и многие наши друзья — оседлые гольены на землях Лирина. Они также как и мы ненавидят Гаруша и его военную политику. Помогите мне, Элет. Прошу вас, ради жизней сотен и тысяч людей: лиринцев, сильфов, крондов и гольенов. Оставим поэзию юнцам вроде Таррика. Жестокое время требует жестоких мер. Итак, вы со мной?

Зенн протянул ему руку и сдержанно улыбнулся. Элет посмотрел ему в глаза, и с холодом в груди понял, что лорд Зенн не лжет — он искренне верил в собственные слова, и тем ужаснее они казались сильфу.

— Советник Айзермар считает, что лорд Тарри заинтересован в торговле с Тхургольном, и поддерживает его из-за собственных меркантильных интересов, — заметил Элет, не торопясь подавать руку толстому лорду, изрядно вспотевшему после своей пламенной тирады. — Могу ли я быть уверенным, что вы не придерживаетесь таких же интересов, но противоположных интересам лорда Тарри?

— Айзермар глуп, несмотря на весь свой ум, как бы это странно ни звучало, — сказал Зенн. — Он слишком долго жил при дворе и видит во всем заговоры. Я знаю Тарри с детства, я был дружен с его отцом. Нет вещи более далекой от Тарри дэ Лароун, чем торговля. Да, его семья торгует с гольнами. Так же как и я, также как советник Айзермар; мы все поддерживаем торговые отношения с Тхургольном. Но ради общего блага мы готовы порвать их. В Алом Замке нет людей, способных выменять кровь родных на гольенское золото. Экспорт древесины в Тхургольн и его связь с миролюбивой позицией Тарри — не более чем совпадение. Он идеалист и мечтатель, а не холодный политик вроде нас с Айзермаром.

«А вот я в этом не уверен», — подумал Элет, глядя на протянутую руку Зенна.

— Я не тот человек, за какого вы меня принимаете, Элет, — заверил его лорд Зенн. — Я хочу лишь мира.

— Мира через войну, — пробормотал сильф. — Мира, купленного кровью сотен невинных.

— Это единственный способ, — уверенно сказал Зенн. — Делайте свой выбор, господин бард.

— Нет, — тихо сказал Элет и убрал невольно потянувшуюся к Зенну руку.

Толстый лорд тяжело вздохнул и обессилено опустил свою руку. Элет развернулся и зашагал к выходу из галереи, стараясь не оглядываться. Зенн окликнул его, когда Элет остановился у тяжелых дубовых дверей.

— Почему?

— Наверное, потому, что я не могу менять золото будущего, каким вы его описываете, на кровь настоящего, которой я уже видел предостаточно. Наверное, потому, что я боюсь. Боюсь, что мы с вами можем оказаться неправы, и смерть невинных будет напрасна. Что если клятва Гаруша — просто фикция? Что если Тарри прав и Тхургольн не хочет войны? Что если красивые слова о братстве, равенстве и дружбе впервые в мире были услышаны всеми, кроме нас? — задумчиво спросил Элет.

— Что если, что если... — пробурчал толстый лорд, потирая руками. — Мы здесь говорим о реальных вещах, а не о вероятностях. А что если прав я? В таком случае кровь невинный все равно прольется на ваши руки, и вы каждый раз будете чувствовать ее привкус в горле, заливая горе вином. В горле, которое могло остановить кровопролитие, отбросив красивые слова ради уродливой реальности.

— Мы сами сделали реальность уродливой, лорд Зенн, — возразил Элет. — Вы правы. Мы уже во всем виноваты. У меня нет выбора, и кровь невинных по вашей прихоти все равно прольется на меня. Так не лучше ли мне сохранить то право на благородство, которого вы лишились когда-то?

— Да, я лишился своего права на благородство, — согласился Зенн, лицо его было мрачным и угрюмым. — Я принес его в жертву, потому что понимал: сегодня стоит повесить сотню, чтобы завтра тысяча могла жить, сегодня стоит убить родителей, чтобы выжили их дети, и заморить голодом стариков, чтобы младенцам досталась хоть капля скудного урожая. Я пожертвовал этим правом ради того, чтобы вы и прочие Тарри

могли в тишине наслаждаться сладким чаем и говорить о мире и братстве всех народов. Можете ли вы судить меня за это, Элет?

— Нет, — твердо кивнул Зенну сильф, — но пожалеть вас я могу.

Он вышел из галереи, тихо притворив за собой двери, оставив лорда Зенна наедине с картинами, масляными лампами, звездами, сияющими сквозь стеклянный потолок и теми словами, которые он хотел сказать, но которые Элет не хотел слышать.

Потому что эти слова могли изменить для него все.

4

...Стук в дверь заставил его вздрогнуть. Чертыхаясь, Элет стряхнул капли пролитого вина со своего берета, лежащего рядом с откупоренной полупустой бутылкой. Звезды горели на обсидиановом небе далекими огнями, ветер доносил из степей приторный запах ковыля и полыни. Элет неловко поднялся на затекшие ноги, оперся о перила балкона, стряхивая напряжение, пригладил каштановые волосы и вправил выбившиеся локоны в сложную прическу, которую он носил согласно своему рангу в обществе сильфов.

Стук повторился, на этот раз менее уверенно, за дверью послышались приглушенные голоса, один из которых явно принадлежал женщине. Элет вздохнул, поднял с каменного пола бутылку и берет, по дороге к двери положил их на стол, и, еще раз проверив свой внешний вид перед висящим на стене зеркалом, открыл дверь. Похоже, напиток ему сегодня так и не дадут. Что ж, может это и к лучшему. Бард склонился перед стоящими у его порога людьми в безукоризненном поклоне.

— Лорд Тарри, леди Арадвед... чем обязан?

— Надеюсь, мы вас не разбудили? — осведомилась Ара, нервно улыбаясь.

— Нет, напротив, мне не спится, — Элет пропустил будущую чету дэ Лароун в свою комнату и прикрыл дверь. — Не желаете ли вина?

— Да, благодарю вас, — кивнул лорд Тарри, усаживаясь за стол.

— Мы только что вырвались с репетиции, — зевая, сообщила леди Арадвед, — это был сущий ад. Мы видели ваш дебют у оркестровой ямы, полагаю, вы правильно сделали, что ушли сразу после неудачной попытки. Хотя лорд-камердинер был в бешенстве.

— Даже я не в силах перекричать несколько сотен людей и оркестр одновременно, — устало сказал Элет, наливая вино в бокалы. — Передайте управляющему мои самые искренние извинения. К тому же после завтрашней церемонии он сможет убедиться, что все репетиции в моем отношении были излишни, я выполнял эту роль уже много раз.

— О да, конечно, — Ара неловко улыбнулась. Лорд Тарри опрокинул в рот бокал вина и громко вздохнул.

— Боги, как хорошо... — он, не стесняясь, вытер рукавом рот. — Прошу прощения, но мои манеры испарились после того, как мне пришлось четыре часа подряд репетировать свое появление в главном зале. Не могу понять, почему я не могу просто войти в дверь, нужно обязательно придумывать всяческие ухищрения.

— Разделяю ваше негодование. Еще стаканчик? — предложил Элет.

— Да, о бог, это то, что нужно...

Они выпили еще.

— Я слышал, что вас увел с репетиции лорд Зенн, — после короткого молчания сказал Тарри.

— Он ужасный человек и говорит ужасные вещи, — встряла Арадвед. — Надеюсь, он вас не слишком расстроил?

— Мне он показался довольно сдержанным человеком, — осторожно сказал сифф.

— Да, — подтвердил Тарри, — он бывает милым и добрым, когда ему это выгодно. Пока мой отец был здоров и охотно давал Зенну в долг, он был в нашем доме самой добротой и отзывчивостью, но как только папа заболел, и нам нечего стало давать в долг другим лордам, их отношение быстро изменилось...

— Все это очень прискорбно, но лорд Зенн не показался мне злым человеком, — признался Элет, подливая еще вина. — Скорее искренне заблуждающимся.

— Его заблуждение может стоить жизни слишком многим людям, — пробурчал Тарри.

— Согласен, — кивнул Элет. — Еще вина?

— Конечно...

Сильф подлил еще вина, никто не заметил, что теперь он налил себе меньше, чем Тарри. Лорд осушил бокал, блаженно улыбаясь. Элет пригляделся к его лицу более внимательно. Опьянение понемногу срывало с молодого лорда маску, которую он носил столь же непринужденно, как Элет — свой берет. Кровь ульфэ постепенно отступала, давая волю горячности лиринца.

«Я раскушу тебя как орех, Тарри, — подумал Элет, подливая лорду еще вина, светло-алая жидкость ударила в край хрустального бокала. — Зачем ты нанял меня? Чего добиваешься? Сегодня я услышал много версий происходящего от многих людей, и все они по-своему были правдивы и искренни, один ты что-то скрываешь, но я сорву с тебя эту проклятую маску, и ты поведаешь мне все о своих планах, а уже тогда я решу — участвовать в них, или нет...»

— Не дайте лорду Зенну одурачить вас, Элет, — сказала Ара, которая пила меньше всех, и все еще сохраняла трезвость рассудка, несмотря на усталость и вино. — Его слова могут быть по-своему разумны и логичны, но такая логика не нужна Восточному Лирину.

— По-моему, все в этом замке неверно оценивают мои способности, — с неловкой улыбкой ответил Элет, не выпуская из рук стремительно пустеющую бутылку вина. — Я здесь не для того, чтобы заниматься политикой, и уж никак не для того, чтобы судить о ней, или судить ее деятелей. Я простой бард и просто собираюсь заработать себе на жизнь простой песней. И тем не менее, со мной говорят о политике с момента моего приезда в Алый Замок. Я сыт по горло политикой, прошу вас, давайте поговорим о чем-то другом.

— О, конечно же, — Арадвед покраснела, явно раздосадованная собственными словами. — Я не хотела рассердить вас, Элет.

— Это не вы, — сильф пространно взмахнул рукой, — это политика. Тарри рассмеялся и хлопнул рукой о колено. Судя по наметанному взгляду Элета, голова молодого лорда была вскружена вином, и он больше не заботился о том, чтобы тщательно скрывать свои чувства, теперь бард мог прощупывать его по различным вопросам, выясняя, искренне говорит Тарри, или нет. И все же нужно было действовать чрезвычайно осторожно, так, чтобы молодые дэ Лароун ничего не заподозрили.

— Я никогда раньше не был в Алом Замке с неофициальным визитом, — признался Элет. — Восточная столица Лирина — прекрасное место.

— Вы много путешествовали, Элет? — смущенно спросила Арадвед.

— Больше по делам, — улыбнулся бард, — мое положение при дворе Тан-Тарока обязывало меня появляться в неожиданных местах в неожиданное время, в том числе и для меня самого. Однажды совет отправил меня зимой в Вольные Земли на аудиенцию к хану Маэлтигу, на остров Огня. Наверное, я никогда не забуду эту поездку, сначала мне пришлось три дня ехать по промерзлой тундре, ночуя в обществе северян и беглецов с юга, обстроившихся жить в Вольных Землях. Потом — пробираться к острову Огня. Пешком, — Элет подчеркнуто медленно

выговорил последнее слово. — Видите ли, все побережье севернее Берега Опавших Звезд замерзает даже в не слишком холодные зимы. Когда я прибыл туда, остров Огня находился посреди сплошной громады прочного льда...

— Что же вы сделали тогда? — улыбаясь, спросил Тарри и подлил себе еще вина.

— О, тогда я спросил, ходят ли на санях по льду, — хмыкнул Элет. — Оказалось, что лед на самом деле гораздо тоньше, чем кажется. Поэтому мне выдали ледоходы — так хаакар называют обувь с широкой подошвой, обитой жесткой кожей. И я почти целый день без передышки топал к знаменитому острову Огня. Когда я прибыл туда, меня сначала приняли за белого медведя — настолько снег и лед покрыли мою одежду.

— Какой ужас! — искренне посочувствовала Арадвед.

— В этой истории есть и приятный момент, — сообщил Элет, откидываясь на спинку стула. — После визита к хану я на два месяца отправился в Лирин. Отдыхать от трудов.

— Как вам понравилась Северная Империя? Там до сих пор ходят о вас слухи, и даже настоящие легенды, — Ара ловко забрала из рук лорда Тарри хрустальный бокал, и, повертев его в руках, поставила подальше от молодого аристократа, который посмотрел на нее с осуждением. Впрочем, неизвестно на нее ли, или на стоящую рядом пустую бутылку вина. Элет всерьез подумывал над тем, чтобы послать слугу за второй бутылкой, но, посмотрев на покрасневшего, улыбающегося Тарри, и нахмурившуюся Арадвед, передумал. Он боялся, что юная леди может испортить весь его замысел.

— Там все слишком чопорно, правильно и надменно, — сообщил Элет. — По сравнению с Лиринем Алый Замок является образцом либерализма и терпимости.

— Совершенно с вами согласен, господин бард! — вступил в разговор раскрасневшийся от вина и усталости Тарри.

Арадвед деликатно толкнула его локтем под ребра, явно раздраженная тем, что ее жених снова называл сильфа «господин бард», несмотря на все комментарии невесты по этому поводу. Но Тарри дэ Лароун не унимался. — Лирин не перестает заявлять, что является господином мира, однако на деле ему формально подчиняется лишь наш Альый Замок. Сборище стариков и старух, заседающих в сенате, до сих пор не может понять, что мир изменился, и Триозерье, Оплот Веры и Вольные Земли давно уже не принадлежат Империи. Даже более того, Тан-Тарок в открытую переписывается с Тхургольном через сильфских агентов!

Неловкое молчание повисло за столом. Было слышно, как шелестят занавески у открытого балкона, а далекой степи воет одинокий волк, глядя на огромный белый глаз застывшей в небе луны.

Элет прокашлялся.

— Один из этих агентов как раз находится перед вами, лорд Тарри, — сказал он. — Об этом, судя по всему, уже знает весь Альый Замок, поэтому скрывать этот факт я считаю глупым.

— Э-э... я не это имел в виду, Элет. — Впервые за этот бесконечно долгий день красноречие покинуло лорда Тарри дэ Лароуна. — Простите.

— Я понимаю, что вы имели в виду, лорд Тарри, — тихо сказал Элет, перебирая тонкими, бледными пальцами. — Все дело в вине. Мы с вами выпили слишком много вина...

Молодой лорд отрывисто кивнул и позволил своей невесте взять дело в свои руки.

— Мы пойдем, Элет, — сказала Арадвед, вымученного улыбаясь, одновременно пытаюсь подтолкнуть полупьяного Тарри к дверям. — Мы и так потратили уйму вашего времени, к тому же Тарри всегда говорит глупости, когда устает и напивается...

— Еще раз прошу прощения, Элет, — лорд церемонно поклонился. Элет склонился в ответ, не отводя глаз от лица лорда Тарри, ему нужно было пробиться сквозь маску идеалиста, которая сейчас начинала медленно рассыпаться, обнажая истинную суть Тарри де Лароуна. — Надеюсь, вы все не обиделись на меня за этот дурацкий инцидент?

— Нет, — твердо сказал Элет.

— Конечно, нет, Таррик. Ведь я люблю тебя! — заявила Арадвед, чмокнув жениха в щеку.

— Я тоже люблю тебя, Ара.

Уже закрывая двери, Элет вздрогнул, услышав ответ лорда Тарри.

Молодой лорд лгал.

5

Элет не знал, почему его так взволновала ложь, отысканная-таки среди словесной шелухи Тарри. Тысячи людей в странном, на взгляд сильфа, обществе Лирина женились по расчету, из простых практических соображений. Это было настолько распространено, что стало почти повсеместным. И все же Элет был расстроен, узнав, что такие идеальные с первого взгляда отношения Арадвед и лорда Тарри можно причислить к категории «браков по расчету». В данном случае, очевидно, по расчету лорда Тарри, решившего заполучить себе богатую, прекрасно дополняющую его как политика, жену. Или же в его планах было нечто большее?

Арадвед была любимой племянницей монарха Восточного Лирина и, вне всякого сомнения, пользовалась не меньшей любовью у всех обитателей Алого Замка, но политического веса это ей не прибавляло.

Элет пролежал полночи без сна, проигрывая в голове диалоги с советником Айзермаром, лордом Зенном, Тарри и самой Арадвед.

«Не дайте использовать себя», — в один голос советовали ему Айзермар и Зенн.

И это притом, что сам Зенн не скрывал своих намерений, пытался использовать Элета и даже старался склонить сильфа на свою сторону, не пренебрегая самыми грязными уловками, на какие только способны лишенные права на благородство политики.

«Кровь невинных на ваших руках...»

Элет поднес к лицу свои бледные ладони. В лунном свете, проникающем сквозь алые занавески в комнату, предоставленную барду, они действительно казались кроваво-красными.

«А что если Зенн прав? Что если, помогая ему, я предотвращу войну...»

Ведь не сам же он будет вторгаться в Тхургольн, штурмовать Запретный Город и сжигать селения гольенов. Нет, не он. Это будут делать совершенно незнакомые ему люди. Даже не сильфы. Даже не его народ... Лиринцы. От него требовалось лишь одно — применить свой дар и обретенное в Академии умение на благо общества. Для достижения праведной цели...

Сильф поморщился, убирая руки.

«Праведная цель... может стоить жизни невинным гольенам и людям, которые погибнут во время вторжения войск Лиринца в Тхургольн. А они погибнут, как бы ни пытался Зенн доказать мне обратное».

Что-то подсказывало Элету, что праведная цель, купленная такой ценой, не может быть праведной. Пролитая кровь отравит и извратит ее, также как кровь ульфэ извратила лиринского героя Готора. Все это было слишком сложно для Элета.

«Нет, конечно же, нужны и такие люди как Зенн и Готор, которые готовы пожертвовать сотней, чтобы спасти жизни тысячи. Люди, готовые взять на себя меньшее зло, чтобы предотвратить зло большее. Конечно же,

нельзя обвинять их в бесчеловечности и излишней жестокости, ведь они поступают так для общего блага... И все же, они ведь тоже люди. И могут ошибаться. А что если они ошиблись? Не сейчас, не в разговоре со мной... что если Зенн ошибается во всем? Что если не нужно вешать сотню, чтобы спасти тысячу? Что, если можно обойтись без убийств и жертв в достижении поставленной цели? Кто он такой, чтобы решать? Не много ли прав дает политику утраченное право на благородство?»

Элет знал, что нет ответов на такие вопросы, и все же еще долго продолжал мучить себя, мысленно принимая то сторону Зенна, то, поддерживая Гарри.

Он все еще бодрствовал, когда восходящее солнце бросило свои первые лучи на Альый Замок. Лишь тогда он вспомнил, зачем его действительно призвали в Альый Замок, и почему он откликнулся на выгодное предложение лорда Гарри де Лароуна...

У дверей Элет натолкнулся на представителей Тхургольнской делегации, тут же согнувшихся в низких поклонах. Одеты они были в традиционные наряды своего племени: черные безрукавки, сшитые из конской гривы, просторные льняные шаровары и сапоги из кожи джейранов. Предводитель делегации носил на голове сложный головной убор, украшенный соколиными перьями. Элет узнал его, стоило ему увидеть лицо гольена, пересеченное старым шрамом.

— Первый нукер Тмэр Сабацю, приветствую вас, — поклонился в ответ Элет, снимая берет.

— Его величество ясновельможный нойон-гольн Гаруш Хатарум шлет тебе привет, друг гольенов, — Сабацю пожал руку Элета своей крепкой пятерней.

Элет не любил обычай гольенов трясти руки при встрече, показывая, таким образом, что они безоружны, но всегда отдавал дань традиции, хотя

после рукопожатия лучшего мечника Тхургольна у него долго болела рука.

— Надеюсь, в отличие от правителей Тан-Тарока, он доволен моей миссией? — спросил Элет.

— В отличие от иных владык мой князь никогда не винит гонца в плохих вестях, которые тот приносит.

— Разумно...

— Особенно учитывая подвиги его посланников, — Сабаццо позволил себе улыбнуться. — Нам стало известно о твоих проделках в Холмах Готора, Элет. Ты нашел великолепный способ отомстить кровавому губителю, достав его даже на той стороне смерти.

— Да, это уж точно... — уклончиво ответил Элет, комкая свой любимый клетчатый берет. Сам он не был уверен, освободил он павшего полководца Восточного Лирина от проклятья или погубил его бессмертную душу.

— Пройдемся, Элет. Нам есть о чем поговорить.

Бард кивнул, и они вместе направились по сложному лабиринту коридоров в главный зал, где как раз заканчивались последние приготовления к свадьбе лорда дэ Лароуна, которая должна была состояться вечером, когда свет луны зальет выгоревший холм, на котором некогда стояла первая цитадель людей в восточных землях.

— Я был удивлен, когда узнал о твоей работе здесь, — откровенно сказал Сабаццо.

— Это воистину странно, ведь от вас сложно что-то утаить...

— Оставь любезности, Элет, — прервал его Тмэр. — Я здесь не для этого. Вернее, и для этого тоже, но любезничать я вынужден только с лиринскими собаками. Что побудило тебя согласиться на предложение лорда Тарри?

— Отсутствие средств к существованию, — признался Элет. — Те десять гривенников, которые я получил в посольстве Тхургольна в Тан-Тароке, деньги, конечно, немалые, но потратить их я пока не могу. Совет Триозерья тут же заинтересуется их источником, а, узнав о том, чье это серебро — вобьет последний гвоздь в мое дело о сотрудничестве с врагами Тан-Тарока, и я задрыгаю ногами, повиснув на башне нашего дорогого оплота демократии...

— Я понимаю твои трудности, — кивнул Тмэр, покачивая пушистыми соколиными перьями, — поэтому повторяю свое предложение. Завтра я отплываю домой на яхте, пришвартованной в каких-то ста метрах от этого самого места, и уже к концу недели буду в Тхургольне. Ты можешь отправиться со мной и получить защиту его ясновельможного величества и возможность потратить честно заработанные деньги...

— И потерять возможность свободного путешествия по столь любимым моему сердцу Триозерье и Лирину? — усмехнулся Элет.

— Не глупи, Элет. Мы оба знаем, что в Триозерье ты стал, говоря языком Лирина, персоной нон грата. В Северном Лирине тебя до сих пор помнят из-за твоего потрясающего умения заговаривать уши судьям как раз перед вынесением приговора о смертной казни. Собственного, заметь, приговора. Поэтому там к тебе в лучшем случае относятся прохладно. Вольные Земли не для тебя, мне стало это ясно сразу после твоего возвращения с острова Огня. А что до Оплота Веры...

— Оставим эти разговоры, — благоразумно прервал его Элет. — Я знаю, что ты говоришь разумные вещи, Тмэр. Но разумных вещей я здесь наслушался уже достаточно, фактически весь Алый Замок состоит из них одних. Я не хочу более слышать разумные вещи, я хочу услышать нечто сумасбродное, нахальное и непристойное!

— Что ж, я удовлетворю твое желание, друг гольенов, — хмыкнул Сабацю. — Ты не сильф, Элет.

Рука Элета невольно нашарила эфес меча, бард едва заметно вздрогнул и резко повернул голову, пристально вглядываясь в глаза Тмэра.

— Да-да, и не смей обижаться, — усмехаясь, заметил первый нукер Тхургольна, — ты не сильф. Ты осенний листок, гонимый ветром. Перекати-поле, кусочек пепла, пережиток ушедшего времени, оставшийся после пожара, спалившего Академию, оправдав тем самым ее странное название. Скажи мне, Элет, сколько людей слышало об Академии?

— Ах, вот ты о чем... — успокоился Элет. — Это меня как раз волнует меньше всего. Даже наоборот — радуется.

— Еще бы, — ухмылка Сабацю стала жестче, — знай они о твоих истинных способностях... А впрочем, знаю ли о них я? Раньше я думал, что знаю тебя как облупленного, с того самого дня, как ты ступил на порог Запретного Города, весь мокрый, в этой самой смешной шапке, которую ты называешь беретом...

Элет улыбнулся в ответ немного грустно...

Дождь сплошной стеной холодного ливня. Типично для осеннего Тхургольна. Он стоял перед высокими, покрытыми бронзовыми листьями воротами, способными впустить внутрь колонну марширующих воинов. Один перед черной громадой великолепного, царственного Запретного Города, вот уже десять столетий являющегося державным престолом гольенских князей. Жалкий, вымокший, в старом плаще, с нашитыми светлыми квадратами заплат.

— Впустите меня! — кричит он, надрывая горло. — Я не хочу умирать!

— Это запретный город. Проваливай, бродяга!

— Я не хочу умирать! Как же закон гостеприимства?!

— Это запретный город, бродяга. Здесь свои законы.

Дождь льет, не переставая, шум падающих капель прерывается лишь далекими раскатами грома, вдали сверкают отблески приближающейся грозы. Он садится на каменные ступени, свесив ноги в поток грязи и дождевой воды, постепенно подступающей к воротам столицы земель гольенов. Берет в руки лютню, и, ударяя по струнам, начинает петь, подставив лицо ливню. Он поет, пока голос не превращается в едва слышный хрип, пока пальцы не начинают жутко болеть, с трудом высекая из струн простейшие звуки, пока вода не поднимается до его бедер, поглощая каменные ступени, а соленая влага слез примешивается к сырým каплям ливня, барабанившим по покрасневшему от нечеловеческого напряжения лицу...

Лишь тогда огромные ворота, скрипя и стоная, открываются, впуская его вместе с потоком воды и грязи в обитель величайших владык востока...

— Я помню тебя в те годы, — продолжал Тмэр. — Ты был первым сильфом, попавшим ко двору старого нойона. Ты увлекался всем. Всем, что я только мог себе вообразить. Музыка, поэзия, литература, фехтование, стратегия, ораторское искусство, верховая езда... Я наткнулся на тебя везде: в библиотеке, конюшне, казармах, фехтовальном зале, на стрельбище. Признаюсь, я даже хотел убить тебя. Считал, что ты слишком опасен, что ты слишком многое знаешь и умеешь. Но...

— Но кончился сезон дождей, и я откланялся, так и не забрав с собой никого из твоих владык.

— Тебя, как всегда, спас случай. Если бы Грахдаран умер от болезни во время твоего визита в Запретный Город... Хотя, даже через два месяца после твоего отбытия у меня были свои подозрения.

— Я не убийца, — твердо сказал Элет, — я убиваю, когда без этого нельзя обойтись. Но я не убийца.

«Держи меч прямо, вот так! Бей! Да не так, недоумок остроухий — снизу вверх, так, чтобы труднее было отразить удар. Уже лучше. Добивай кинжалом! Бей, тебе сказано!»

Он плачет, вытирает слезы кулаком и бьет, быстро, проворачивая клинок в ране, чтобы яд лучше впитался в кровь. Так как его учили...

Элет сбросил наваждение, отдавшееся в голове застарелой болью. Душевной и физической, все еще витающей в нем призраками старой памяти. Его приучили чувствовать боль, даже вспоминая о вещах, которое ему полагалось забыть, говорить о них он не смел даже сейчас, опасаясь, что тогда боль попросту убьет его.

— Теперь я верю тебе, Элет, — сказал Тмэр, глядя в глаза своему старому знакомому. — Я вижу в твоих глазах, что ты говоришь правду. Хотя тебе ничего ведь не стоит и это внушить мне.

— Ты сильно преувеличиваешь мои способности, Тмэр.

— Разве? По-моему, я ничего не преувеличиваю. Я просто вспоминаю.

— Я не хочу больше вспоминать. Я устал от воспоминаний. И от предложений, — Элет помолчал. — Я не поеду с тобой в Тхургольн. Я слишком люблю свою свободу, чтобы заковывать самого себя в золотые кандалы, которые выдают всем, посещающим Запретный Город.

— Перекати-поле, — повторил Тмэр Сабацю, — есть такой куст в степях моей родины. Он прыгает по земле, подгоняемый ветром. Прыгает, и прыгает, и прыгает. И, если ему повезет, в конце концов застрянет в каком-нибудь овраге, где пускает корни, а если же нет... я видел плавающие кусты перекати-поле даже далеко от нашего побережья. Не боишься утонуть?

— Нет. Боюсь остановиться и пустить корни, — твердо ответил бард. — В Триозерье есть такой... заяц. Очень быстрый, очень ловкий, очень умный. Он всегда движется, никогда не останавливается. Если он остановится, то умрет.

6

Пальцы сами собой легли на струны лютни, стоило ему ступить на возвышение, предназначенное для певца. Он проделывал это тысячи раз, выступая на свадьбах, именинах, праздниках рождения, праздниках смерти и в тысячи других случаев, в тысячи обрядах, какие только были выдуманы людьми, крондами, сильфами, гольенами и даже хаакар. Он играл на тысяче инструментов: лютнях, гусях, цимбалах, барабанах, флейтах, бандурах, гитарах, жалейках, кобзах и десятках других инструментов, названия которых были незнакомы обитателям Восточного Лирина. Он был настоящим мастером своего дела и умел заставить слушателей плакать, даже наигрывая на коровьем роге, игрой на котором любили забавляться жители Вольных Земель. Он чувствовал себя богом, стоя на возвышении над морем слушателей, внимавшим лишь его голосу и звукам его музыки. Он имел над ними безграничную власть, он мог заставить их плакать и кричать от ярости, потрясать кулаками в праведном гневе. Он мог заставить их возлюбить и возненавидеть друг друга...

И лишь когда умолкали последние аккорды, а заказчик, стирая со щек последние слезы умиления, отсчитывал барду его жалование, Элет вспоминал, насколько иллюзорна его власть.

7

Все шло согласно установленному порядку. Гости парами входили в огромный зал через небольшие двери, открытые услужливыми слугами, а герольды по очереди читали их полные имена и титулы. Элет не завидовал такой работе. Ему и самому часто приходилось надрывать голос, по несколько часов подряд исполняя сложные произведения, но с работой герольдов это все же сравниться по напряжению голосовых связок не могло. Сильфу было искренне жаль паренька, вынужденного во весь голос кричать: «Его высокопреосвященство первый и единственный глава святейшего капитула жреческого совета, освещенного кровью Изиса, помазанный прошлым носителем имени сего верховный жрец и архиепископ Лиринский, Ниекариазимус Владис Третий!». И так по несколько десятку раз подряд. Потому что титулы гостей не желали уступать друг другу по пышности и длине звучания. Элет возблагодарил богов за то, что те дали советнику Айзермару достаточно мудрости нанять вместо одного герольда пятерых, иначе свадьба превратилась бы в дипломатический скандал, когда бедный, охрипший глашатай запнулся бы на чересчур сложном имени иноземного посла.

Первосвященник Оплота Веры оказался щуплым маленьким человечком, облаченным в белые одежды, с тонким золотым узором у воротника, символизирующим его ранг, и символом горящего колеса, болтающимся на тонкой цепи, свисающей с его тонкой, цыплячьей шеи. Элет уже видел этого человека на многочисленных церемониях в Оплоте Веры и его высокопреосвященство не вызывал у сильфа добрых чувств.

Кроме первого жреца земель Великой Лиринской Империи в зале присутствовало еще несколько высоких гостей, среди которых был Тмэр Сабацю, смотрящийся несколько странно в своей черной безрукавке и шляпе с соколиными перьями. Это не мешало низкорослому нукеру держаться с королевским величием, снося неприязненные взгляды крутившегося рядом с ним лорда Зенна, который прибыл на свадьбу вместе со своей женой — толстухой по имени Виргиния, наряженной в безвкусный наряд алого шелка. От Вольных Земель на празднике присутствовал лишь их постоянный посол в Алом Замке, он возвышался над остальными гостями на целую голову, и перепутать его с кем-то другим было невозможно. Зеленая кожа хаака отливала сияющим маслом, которым он по обычаю своего племени обильно обмазался, превратившись в огромное зеленое подобие подтаявшей свечи, от которой все старались держаться подальше, чтобы не вымазаться липким маслом из коровьего жира. Одет Згорон, а именно так звали полномочного посла, был в кожаную куртку с короткими широкими рукавами и черные штаны, если так можно было назвать длинную черную полосу ткани, которой хаакар обматывали нижнюю часть тела. На ногах Згорон носил традиционные меховые сапоги, в которых бедняге было отчаянно жарко в теплом, подогреваемом помещении замка, но хаак терпел все лишения как должное, не уступая гордостью своему старому другу Тмэру. От Крондари прибыл известный мореплаватель Канто из дома Текарий, остроухий и веселый, как и любой другой кронд, он выделялся в толпе светло-синим нарядом цвета морской волны с вышитым белым челном на груди, на поясе черноволосого посла висела золотая крондская сабля. Элету надолго запомнился лукавый прищур глаз знаменитого морехода, которым тот окинул зал, едва появившись в дверях под голос герольда, зачитывающего его не по-лирински короткий титул. Горное и Подземное царство цвиргов прислало главу гильдии тоннелей по имени Цваргартагат, приземистого

бородатого цвирга в роскошном желтом балахоне, украшенном золотыми пластинами, укрывающими его, как чешуя рыбу. Триозерье не прислало никого, очевидно, считая, что Элет был достойным представителем своего народа и своей страны. Бард был рад этому. Общаться с другими сильфами у Элета не было никакого желания, равно как и выслушивать их глубокомысленные фразы о связях барда с гольенами...

Кроме послов союзных и нейтральных держав и их свиты, на бракосочетания были приглашены родственники семьи дэ Лароун, то есть почти все аристократические семейства Восточного Лирина, родственники семьи Оакен, из которой происходила Арадвед, семьи самых богатых лиринцев, даже если они не принадлежали к аристократическим династиям, и многие, многие другие.

Когда весь зал оказался заполненным гостями, трижды пропели золотые трубы, и герольд, вещая как можно громче, торжественно провозгласил: «Его величество брат императора Лирина и владыка Восточных Земель, повелитель Алого Замка, Император Цицерий Второй Справедливый, из рода ар'Эквендин».

Элет, вместе со всеми, невольно повернулся к дверям, старясь выпрямиться как можно ровнее. Те гости, которые уже успели занять место за столом, поднялись с такой поспешностью, будто невидимая сила заставила их встать на ноги. Владыка Восточной Лиринской Империи, власть которого распространялась до самых границ Тхургольна, вошел в зал в гордом одиночестве, без свиты и охраны, без личных слуг и фаворитов. Он был одет в алый мундир простого солдата, и лишь тонкая золотая полоска маленькой короны, покоящейся на его голове, выдавала в нем властелина.

Элет осторожно огляделся, удивляясь, как император мог так рисковать, входя в одиночку в зал полный гостей из дальних королевств, многие из которых желали монарху смерти. Входя даже без личного

телохранителя. Даже без меча или кинжала. Как будто намеренно подставляя себя под удары коварных убийц. Причину спокойствия императора Элет отыскал не сразу, а лишь когда заметил странный блеск в глазах прислуги, которой в зале было ненамного меньше гостей. В глазах этих с виду послушных и глуповатых парней и девушек он увидел огонь фанатичной преданности. Так вот они, таинственная гвардия Императора. Тайный орден, в который брали лишь лучших, самых проверенных бойцов империи...

Не он один заметил тайных телохранителей. Тмэр Сабацю и Згорон разочарованно переглянулись, и выпустили рукояти мечей из побелевших пальцев. Элет знал, что оба они, не задумываясь, пожертвовали бы жизнью за возможность убить ненавистного людского императора. И оба они понимали, что слуги в красно-черных одеждах не дадут им даже обнажить мечи, не говоря уже о том, чтобы приблизиться к их господину.

Император окинул гостей взглядом жестоких черных глаз, и, подняв руку в знак приветствия, занял свое место во главе срединного стола. Возле вычурного, покрытого позолотой стула императора тут же заняли позиции парень и девушка из личной гвардии, на этот раз, не скрывая мечей с длинными лезвиями, которые они держали в обеих руках. Лишь после того, как император поднял тост за здоровье новобрачных, Тарри и Арадвед вступили в зал, держась за руки.

На лорде Тарри был официальный костюм серого цвета, Арадвед надела темно-багровое платье, пересеченное гирляндами полевых цветов. Оркестр играл торжественный марш, пока жених и невеста не остановились возле первосвященника Владиса Третьего, занявшего свое место в конце бархатной дорожки, ведущей к святилищу Изиса. Святилище представляло собой идеальный круг, вырубленный в камне, у подножья которого лежал переломленный посох. Первый жрец Истинной Веры встретил будущую чету дэ Лароун приветственной речью, после

чего завел длинную молитву на древнеэльдском языке, вспоминая в ней души замученных первых людей, нашедших свой приют в северных землях, напоминая о святом Изисе, которого колесовали проклятые ульфэ, о первых императорах Лирина, основавших величайшую империю людей, о замученных гольенами жителях Новой Луны, о святом Готоре, изгнавшем гольенов из земель Восточной Империи. Элет заметил, с каким недовольством слушает эту часть молитвы Згорон, сородичи которого столетиями гибли в схватках с легионерами Лирина. Тмэр Сабацю слушал речь жреца с откровенной ненавистью, сжимая свои огромные кулаки; шрам, пересекавший его лицо, побледнел, еще больше обычного уродуя первого нукера.

Когда Владис, наконец, закончил, и жених с невестой обменялись золотыми браслетами, зал разразился бурными аплодисментами и ликованием. Большинство гостей ликовали вполне искренне, ведь завершение церемонии позволяло им приняться за еду, и, главное — за вино, которого на столах было особенно много. Проходя мимо барда, Арадвед искренне улыбнулась ему, сияя счастливыми глазами, лорд Тарри ограничился коротким кивком, было в его глазах нечто странное, но у Элета не было времени задумываться над этим.

Луна осветила выгоревший холм, с возвышающимся на нем черным монолитом, и сильф, ударив по струнам, затянул Песнь Новой Луны — классическое произведение, исполняемое на всех празднествах Восточного Лирина. На вкус Элета оно было слишком затянутым и тоскливым, но обычай требовал его безукоризненного исполнения, не отступая ни на шаг от оригинала, и Элет пропел его со всем своим умением. В песне повествовалось о первых поселенцах на Лунном Пагорбе, об их дружбе с живущими в округе гольенами, и о том, как эта дружба в одну ночь превратилась в кровавую ненависть, когда гольены предательски напали на форт и вырезали всех, кто не успел бежать от

жаждущих крови низкорослых бестий. Мастерство Элета смогло высечь слезу даже из каменного сердца императора, и тот, скривившись, смахнул ее белоснежным платочком. Когда последние строки песни были пропеты, владыка Алого Замка вернулся к беседе о делах государственной важности, которую вел с Айзермаром и другими советниками.

8

— Элет! Приглашаю вас выпить стаканчик, я ведь еще не извинился перед вами за вчерашний разговор. Обещаю, сегодня мы не будем говорить о политике!

— Соглашайтесь! — поддержала жениха, то есть теперь уже мужа, леди Арадвед дэ Лароун. — Я лично удавлю негодяя, если он посмеет говорить с вами о делах государства.

Элет с сомнением посмотрел на пустующее место рядом с лордом Тарри, почему-то ему не верилось, что молодой политик хочет просто поболтать с ним, однако рядом с четой дэ Лароунов уже сидели Тмэр Сабацю, Згорон, Канто Текарий и посол цвиргов с непроизносимым именем. Возле новобрачных собрались все послы соседствующих с Восточной Империей держав, не хватало лишь Триозерья, и Элет не решился пойти против приличий, заняв свое место за длинным столом.

Тарри тут же налил ему полный бокал лучшего лиринского виноградного вина, Элет предпочел бы яблочное из Крондари, но, следуя приличиям, не стал перечить воле хозяев.

«Держи спину прямо!» — свист линейки, ударяющей по затылку. Он скривился, но выполнил указание, опасаясь следующего удара. «Так лучше! Ложку держи правой рукой!» Он дрогнул, но оказалось, что удар предназначался сидящему рядом ученику. Элет облегченно вздохнул, и

тут же получил болезненный удар по затылку. «Не вздыхай как корова на бойне! Дыши ровно, спокойно. Я вобью в вас эти правила, даже если вы не переживете этого!»

«Как глубоко все это сидит во мне», — подумал Элет, беря в руки ложку. Он держал ее так, как было положено протоколом и приличиями высшего общества Лирина. «Смогу ли я когда-нибудь освободиться от этого?» — сильф попытался опустить ложку и взять ее на манер кинжала — кулаком за ручку, его усилия отдались болью в затылке, и Элет решил оставить эксперименты. Не хотелось бы забиться в припадке боли на глазах у всей аристократии Восточной Империи.

Где-то глубоко в его подсознании были зашиты правила, которые он не мог нарушать. Зашиты тщательно и основательно учителями Академии, он не мог противостоять им, не мог делать то, что хотел, он был машиной изготовленной лишь для одной цели. Элет не знал, остался ли в живых еще кто-нибудь из последних учеников Академии, и, по правде говоря, не слишком хотел это знать.

— Что вы собираетесь делать завтра, Элет? — спросил лорд Тарри.

— Продолжу свое странствие, я засиделся в Алом Замке, — честно признался Элет, — светское общество утомило меня. Хотелось бы снова побывать на Севере, нравы жителей Вольных Земель кажутся мне менее скованными.

— Слова истинного мужа! — прорычал Згорон. — Тебе бы пить эль из рога дикого буйвола, а не эту сладкую водицу из хрустальных кубков, которые я боюсь даже в руки брать...

С этими словами хаак поднял свой бокал двумя пальцами. Тмэр захохотал и вытащил из кармана шаровар кожаную флягу. Откупорив пробку, он приложился к ней, злорадно глядя на Згорона. В нос Элета ударил знакомый запах.

— Гольенская брага, — пояснил бард.

Згорон покраснел и поставил бокал на стол, с завистью глядя на друга. Тот, вытерев губы кожаным браслетом, притороченным на левом запястье специально для этой цели, дружелюбно протянул флягу Элету.

— Не желаешь?

— Воздержусь, — вежливо отказался сильф. — Приличия.

— Приличия! Ха! — громыхнул кулаком о стол Сабаццо. — Как же... помню, в Запретном Городе мы с ним один раз так нализались самогону, что он на радостях отлил с дворцовой стены прямо на голову караульным нукерам...

— Это были ваши приличия, Тмэр, — объяснил Элет. — Здесь их не оценят, поэтому помолчи.

— А вот я не откажусь! — заявила раскрасневшаяся Арадвед и выхватила флягу из рук растерявшегося Сабаццо.

Опрокинув ее, новоиспеченная леди дэ Лароун сделала два длинных глотка и передала питье Згорону. Посол Вольных Земель побелел под слоем блестящего масла так, что его сходство со свечой сделалось почти точным, оставалось лишь поджечь фитиль длинных темных кос, падающих на широкую спину посла длинными змеями.

— Вам не следует удивляться, господа, — решил прояснить ситуацию Элет, — молодая леди ведет свой род от Оакенов, чье семейство живет на постоянно изменяющейся границе с Тхургольном уже несколько столетий. Полагаю, вы не в первый раз пробуете брагу, Ара?

— И, надеюсь, не в последний! — пропищала красная как мак леди дэ Лароун.

Тмэр расхохотался, отбирая полупустую флягу у своего товарища, который явно стремился осушить ее до дна. Лорд Тарри смущенно улыбался.

— Я слышал, что женщины Лирина ни в чем не желают уступать мужчинам, — сказал мореход Канто, поправляя светло-голубой воротник, — и вижу, что это распространяется не только на их умение владеть мечом...

Он выразительно посмотрел в сторону стражницы, стоящей с двумя клинками наголо за спиной владыки Алого Замка.

— Легион Феникса набирает и мужчин, и женщин, — подтвердил Тарри, — лишь бы они хорошо умели владеть мечом. Уверен, что это лучшие воины в империи. Иначе император не допустил бы их к охране собственной персоны.

— В Крондари правитель сам заботится о собственной безопасности, — заметил Канто.

— Мы не в Крондари, — напомнил ему Элет.

— Кстати, Элет, как ты смотришь на то, чтобы отправиться туда со мной после завершения этой церемонии? — спросил Канто. Сильфу не понравилась излишняя фамильярность мореплавателя, они не были знакомы даже часа, а он уже перешел с Элетом на «ты», чего не позволял себе даже лорд Тарри. — Обещаю, что мы будем вести себя согласно хаакарским нравам. Могу даже предоставить тебе бычий рог для пива. Правда, скорее всего, это будет коровий рог, а не бычий.

— К сожалению, меня ждут важные дела в другом месте, — Элет деликатно отклонил предложение кронда, задумываясь, было ли оскорбление насчет коровьего рога сделано умышленно, или же кронд действительно понятия не имел об обычаях жителей Вольных Земель. Во всяком случае, при его словах в коровьем роге лицо Згорона побледнело и вытянулось, выдавая вовремя подавленную вспышку гнева.

Элет оценил умение посла держать себя в руках и решил следовать его примеру.

— Окна завесили, — подал голос посол цвиргского царства. Элет повернул голову в сторону своего низкорослого соседа. Посол, одетый в покрытый золотыми пластинами кафтан, беспокойно заерзал на стуле, не доставая до пола ногами. Он говорил на всеобщем языке эльдов с заметным усилением, сказывалась долгая изоляция карликового народца в горах и пещерах, вдали от остального цивилизованного мира. — Теперь я не вижу луны.

Высокие, застекленные окна действительно были завешаны черными шторами с вышитыми на них золотыми узорами. Элет решил, что это просто элемент украшения. Зал освещал огромная люстра, подвешенная под потолком на короткой, толстой цепи, подстрахованная тремя прочными веревками, перехватывающими ее остроконечные края. Элет догадывался, что где-то там, под потолком, отдельная стража караулит эту громадину, чтобы никому не пришло в голову использовать ее как средство покушения на Императора. Люстра горела тысячей свечей из бездымного воска, которые могли гореть двое суток к ряду, почти не истончаясь. Элет знал, что на изготовление одной такой свечи уходило больше денег, чем стоило содержание доброй сотни легионеров.

— Вам важно видеть луну? — спросил обеспокоенный лорд Тарри.

— Нет, — коротко ответил цвирг. — Я редко вижу ее...

— Очень любопытно. Вы много времени проводите в тоннелях?

— Я *haragar'n faerne*, — цвирг назвал один из непонятных цвиргских титулов, который представителям других народов не говорил ничего. — Я провел под толщей матери-земли девять из десяти огней моей жизни.

— Огней? — переспросил Тарри. — Вы так исчисляете время под землей?

— Посреди главного зала каждого *aharg'a taghe*, каменного дома, стоит вечное пламя, — пустился в длинное объяснение цвирг, — каждый раз, когда оно начинает угасать...

Сильф не слушал, он смотрел в глаза лорда Тарри. Ему не понравился взгляд, которым его мгновение назад наградил молодой идеалист.

«Смотри противнику в глаза, тогда ты сможешь увидеть его замысел. Учись читать мысли по глазам, по рукам, губам. А не только по словам. Слова — пепел, истинный костер человеческой души сокрыт в глубине его глаз...»

Зачем Тарри перевел разговор на цвиргов? Ведь еще минуту назад они нисколько не интересовали его... Он хочет отвлечь внимание присутствующий от какой-то детали, на которую их могли привести слова низкорослого посла?

Луна? Элет бросил взгляд на завешанные черными занавесями окна. «Я не вижу луны...» Луна дает свет, пускай тусклый, но все же свет. Но света здесь достаточно...

Элет поднял голову и увидел как черная тень, пауком перевесившись через страхующий люстру канат, готовится бросить вниз что-то больше, цилиндрическое. Сильф не мог рассмотреть, что именно — свет тысячи свечей слепил его...

— Смотрите! — закричал Элет, указывая на фигуру в черном.

И в этот самый момент, человек перевернул металлический цилиндр, в котором Элет тут же узнал самое обыкновенное ведро, полное воды. Струя ударила в центр люстры, и бездымные свечи стали гаснуть одна за другой, подчиненные той же последовательности, в которой их зажигали. Элет вскочил со стула, хватаясь за рукоять меча. И тут же просторный банкетный зал утонул в кромешной тьме.

«Император! Защитите императора!»

Часть воды пролилась на Элета. Он фыркнул и сплюнул ее, потеряв промокший берет. Началась давка. Вопли, визг, крики.

«Шторы! Сорвите шторы!»

Кто-то сильно толкнул Элета в спину, повалив его на пол.

— Та-а-ррик! — пронзительно завизжала Арадвед.

Бард дернулся, ударив навалившегося на него человека локтем, тот захрипел, но не проронил ни звука. Элет зарычал, попытался крикнуть, но его несколько раз ударили по затылку, заставив лежать смирно. Зал тонул в какофонии криков и воплей, среди которых выделялись лишь четкие команды императора, созывавшего к себе гвардию.

— Да откройте вы окна, черт вас подери! — заорал рядом Тмэр Сабацю. Послышался шелест извлекаемых из ножен клинков. — Элет, где ты? Не вижу ни черта!

— Сюда! — заорал Згорон. Послышался звон клинков.

Элет почувствовал, как из ножен на его поясе вытаскивают меч. Он завертелся, пытаясь помешать неизвестному врагу. Тщетно. Еще один удар по затылку погрузил Элета в минутное забытие. Рядом кричал Сабацю, визжала жена лорда Зенна Виргиния, толпились другие гости, пытаясь найти выход из темного зала. Кто-то сражался, убивал и умирал. Из забытия Элета вывел высокий, пробирающий свист меча, его меча, и крик, короткий, отчаянный, прервавшийся хрипом и бульканьем. Руки, державшие Элета мертвой хваткой, разжались, и бард, пошатывая, встал на ноги. На него повалилось что-то тяжелое, лицо увлажнилось, покрывшись липким слоем влаги... Элет снова упал на пол, придавленный мертвым грузом, он облизал губы, чувствуя на них теплую кровь. Кто-то схватил его за руку и всунул в ладонь знакомую рукоять меча и силой заставил Элета сжать ладонь.

— Элет! Элет!!!

Звон разбитого стела, треск рвущихся занавесей. Крики и приказы императора. Бормотание мечущегося где-то рядом первосвященника. Лунный свет пролился в зал, его было недостаточно, и Элет различал лишь смутные, мечущиеся тени. Вдалеке звенели клинки. Кричал Тмэр, призывая своего друга.

— Свет, цвирг, нам нужен свет! — Элет услышал настойчивый голос Згорона, обращающегося к послу подземного народа.

— Свет? — удивился цвирг, как будто не понимая, о чем говорит житель Вольных Земель. — Ах, да. Горение.

Люстра зажглась тысячей свечей, освещая зал. Элет выдохнул, увидев, что на нем лежит леди Арадвед, перерубленная почти пополам его собственным мечом, который он все еще сжимал в руках. Мгновенье он видел бледнеющее лицо Згорона, покрытое блестящим маслом.

— Ара!!! — закричал Тарри, захлебываясь криком. Минутная тишина в зале взорвалась: Виргиния закричала в два раза громче прежнего, от ее визга у Элета раскалывалась голова. Он с трудом попытался сбросить с себя мертвое тело и подняться на ноги, в ушах звенело от ударов, которыми его наградил неизвестный враг.

— Это не я... — бормотал сильф, вытирая с лица кровь, — я не мог... кто-то держал. Тмэр!

Вокруг барда тут же сомкнулось кольцо стражников. Лорд Тарри, более не обращая никакого внимания на происходящее, бросился к лежащему на полу телу своей молодой жены, вокруг которого разрасталась лужа крови. Его крик окончательно выбил пошатывающегося Элета из колеи, перед глазами сильфа поплыли красные мундиры гвардии императора и сильф с ужасом понял, что вот-вот упадет в обморок. Обрывки фраз и криков окружили его плотным кольцом звуков: «Дерзость! В присутствии императора... Убить!»

Тмэр подскочил к нему, все еще с саблей в руке, рядом уже стоял Згорон, в руках его привычно лежал огромный тесак, который он везде носил с собой в ножнах, укрепленных на спине.

— Суда! — потребовал посол Вольных Земель. — Недопустим самоуправства! Судить по законам Лирина!

— Суда! — поддержал его гольен, и, топнув ногой, махнул над головой окровавленной саблей.

— Кто зажег свечи? — спросил Канто, становясь рядом с друзьями, узкая крондская рапира присоединилась к тесаку и сабле.

— Я начал горение, — как ни в чем не бывало, сообщил цвирг, все еще сидящий за столом.

— Убить сильфа!!! — заревел кто-то в толпе, стражники императора сделали шаг вперед, оцетинившись клинками.

— Суда, говорю! — взревел Згорон. — Где император? Император не пострадал?!

— Я здесь, посол, — Его Величество император Цицерий вышел из кольца алых мундиров. Элет увидел его бледное, осунувшееся лицо прямо перед собой. — Опустите клинки.

Гвардейцы покорно спрятали мечи. Друзья Элета и мореход Канто последовали их примеру, цвирг продолжал спокойно сидеть за столом, болтая ногами. Лорд Тарри всхлипывал, прижимая к себе тело убитой Арадвед. Элет разжал кулак и его меч зазвенел, упав на каменные плиты пола.

— Он не мог, Ваше Величество! — кричал под ухом Элета Тмэр Сабацю. — Я его не видел. Совсем. Только тени...

— С кем ты дрался, нукер? — раздраженно спросил император.

— Трое ваших гвардейцев пытались помешать нам сорвать шторы...

— Айзермар! — позвал император.

— Это не наши гвардейцы, — сообщил первый советник, оказавшийся рядом со своим императором.

— Всех в камеру, — распорядился Цицерий. — Потом разберемся.

Двое стражников тут же взяли Элета за руки, оттеснив его защитников.

— Подождите, — крикнул посол Вольных Земель. — Цвирг! Если он всю жизнь прожил под землей, то должен отлично видеть в темноте. Нужно спросить его, Ваше Величество...

— Что ж... — император с сомнением посмотрел на низкорослого посла. — Что ты видел, цвирг?

— Я ничего не видел, — с невинным видом сообщил тот, разглаживая руками длинную белую бороду. — Я ел. Дела надземного мира не интересуют царство цвиргов.

— В камеру, — устало повторил император Восточного Лирина.

Стиснув зубы, он посмотрел на тело своей любимой племянницы, смахнул готовые выступить слезы и залпом осушил бокал вина, стоящий на столе. Голова Элета зверски болела. Когда его выволакивали из зала лицо лорда Тарри, перемазанное слезами, возникло перед сильфом. Лорд размахнулся и ударил Элета по лицу, стражники оттолкнули дэ Лароуна с дороги. Глаза у молодого лорда были по-прежнему холодные, злые и отрешенные.

9

«Ты должен быть быстрым и ловким, и не только в игре на лютне. Проворачивай нож! Делай, как я тебе говорил!»

Комната, заставленная прямоугольными столами, и неподвижные тела, прикрытые чистыми белыми покрывалами, лежащие на этих столах.

Выпустите меня отсюда!

Воронье кружит по небу. Клюет его в ноги, в лицо... по степи несется перекасти-поле, подгоняемое ударами приближающейся бури.

Мне нельзя останавливаться.

Вороны. Развалины старого замка. Пламя, огонь, горение. Хранитель пламени, болтающий короткими ножками на слишком высоком стуле.

«Дела наземного мира не интересуют... не интересуют...»

Выпустите меня отсюда!

Вороны. Кружат черной спиралью над ними. Над развалинами замка...

«Глупцы! У вас в руках — величайшее в мире оружие. Используем же его...»

Руки, черная паутина рук, сдерживающая его.

«Запрещено! Кодекс... помни о кодексе!»

Огонь, пожирающий черные каменные стены, летящие над их зубцами пылающие ядра катапульта. Черная спираль воронья.

Выпустите меня отсюда!

Арадвед, перерубленная его мечем, лежащая в луже собственной крови. «Об этом тоже редко пишут».

Холодные глаза лорда Тарри дэ Лароуна. Удар.

«Элет!!!»

Звон клинков.

Он выбегает на стену, с лютней в руках, с одной только лютней. Никого рядом. Только армия — бушующее под стенами море людей, ошестинившееся сверкающей сталью, осадные лестницы, тонкими паутинами заброшенные на стены. Воронье... Он ударяет по струнам, один против тысячи. Удар. Небо над головой.

«Прости. Запрещено кодексом».

Черные стены оседают горами пепла, поддаваясь натиску огня.

Тишина. Крики воронья.

Никакой ты не сильф... Перекати-поле. Не боишься утонуть?..

Мне нельзя останавливаться.

Выпустите меня отсюда!

Знаменитый бард по имени Элет мог вытерпеть многое, включая вонь разлагающихся трупов, с которыми его однажды закрыли на ночь перед выпуском из Академии любящие пошутить сверстники. И лишь одного запаха Элет не терпел нигде и никогда, реагируя на него чиханием, слезящимися глазами и аллергическим насморком. А именно, запаха навоза, смешанного с соломой и полевыми травами. Деревенского запаха. Именно этот запах, которым пропахли все подземелья Алого Замка, помог ему выйти из вязкого забытья, отдававшегося в его голове призрачными голосами.

Элет поднял голову, тупо уставившись на железные прутья камеры, в которую его бросили гвардейцы в алых мундирах, оставив мучиться в беспомощности на топчане грязной соломы. Он прикоснулся к разорванному вороту тунки, красному от пропитавшей его крови. Щека была рассечена ударом кулака лорда Тарри, Элет помнил тяжелые перстни на пальцах молодого идеалиста...

Сильф огляделся. Камера, в которую его посадили, ничем не отличалась от сотен подобных. Каменные стены, исписанные бранными словами, железные прутья решетки, тяжелый замок, сорвать или открыть который без ключа было невозможно даже для такого великана, как Згорон. Меча при нем, конечно, не оставили, как и кинжала. Лютни тоже не было. Элет сомневался даже, пережил ли его хрупкий инструмент свалку в зале...

Бард прислонился затылком к холодному камню и попытался вспомнить все события этого бесконечно долгого дня.

Пешкой в какой игре он стал? Стоило серьезно отнестись к предупреждению советника Айзермара. Алый Замок жил своими интригами, и Элет понял, что, став невольным участником одной из них, он оказался поглощен его черными стенами. В лучшем случае его повесят уже на рассвете, в худшем же... Ему случалось слышать истории об узниках, заточенных в подземелья древней крепости десятилетия назад. Узников, забытых всеми, кроме немых стражников, разносящих по камерам скудную еду...

«Нет уж...» — сидеть и ждать, пока его повесят или забудут его имя навсегда, Элет не собирался.

Все еще не справившись с головокружением, он руками начертил вокруг себя круг, не обращая внимания на его явную кривизну — идеальное построение важно лишь для защитных начертаний. Добавив руну Силы на севере, руну Огня на западе, руну Вечности на востоке, Элет оставил пустым место южной руны, быстрыми движениями обозначив между пятью знаками и пустующим местом для шестой руны тонкие линии шестиконечной звезды, заключив в нее пентаграмму, в центре которой находился он сам. Бард сухо улыбнулся, скривив разбитые губы. Выстроенная им фигура не способна была разбивать стены мощными ударами магического пламени, высвобождать чудовищ из иных миров — для вызова таких созданий требовалась как минимум деревянная палка и открытая земля, вода, огонь или воздух. Нет. На такие вещи Элет был неспособен. Он не был могущественным магом, не был умелым воином или опытным вором, для которого открыть замок тюремной камеры — пара пустяков. Не был героем. Но он владел крупницей силы, отпущенной ему. И над некоторыми вещами оставался властен. Например, над своей

жизнью... или смертью, руну которой он был готов начертить на юге, где разрывался его неровный круг.

«Будь терпеливым. Никто не знает, что произойдет в следующую минуту... Произойдет тебе на благо или на погибель. Нужно всего лишь не торопиться и подождать».

Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем в коридоре пустынной темницы зазвучали приближающиеся шаги. Сильф поднялся на ноги, вглядываясь во тьму. Свет факела осветил внутренности камеры. Лорд Тарри дэ Лароун был один. В одной руке он держал факел, в другой — связку ключей. Элет опустился на колени и протянул руку, чтобы одним движением пальцев лишить себя жизни, начертив руну смерти. Лишить быстро и безболезненно...

— Не нужно, — остановил его лорд Тарри. Ключи звякнули, ударившись Элету в грудь. — Убирайся отсюда, сильф. Стражники подкуплены и выпустят тебя. Убирайся из Алого Замка...

Элет молча поднял связку ключей. Последний кусочек головоломки, щелкнув, встал на место, и перед внутренним взором Элета предстала ясная картина... Бард зажмурился от отвращения, увидев в истинном свете все, что случилось с ним, с того момента, как он принял приглашения лорда Тарри и прибыл в Алый Замок.

— Зачем ты убил ее, Тарри? — спросил Элет хриплым голосом, внезапно утратившим всю свою музыкальную звонкость. — Она ведь в самом деле любила тебя...

— Я не хотел никого убивать... — прошептал Тарри, не глядя на сильфа. — Кто ты такой, на самом деле?!

— Я бард. Музыкант.

— Какой ты к дьяволу бард?! — заорал ему в лицо Тарри. — Какой бард будет носить с собой меч острее лучшей бритвы? Я ударил вполсилы, так, чтобы оставить неглубокую отметину, как будто били в спешке, но наверняка...

Молодой лорд всхлипнул, и на его глаза навернулись слезы.

— Тупой меч с красивой рукоятью — вот оружие барда! Глупец...

Элет зажмурился, отчетливо представив себе, что было бы, ударь Тарри в полную силу.

— Зачем?..

— Покушение на любимицу императора посланником Триозерья... — Тарри не выдержал и заплакал, по-детски шмыгая носом. — Скандал. Суд. Последний гвоздь в гроб лорда Зенна и его планов союза с Тан-Тароком... лучший аргумент. Я делал все это в интересах государства!

Элет сокрушенно покачал головой. Он ждал от Алого Замка многого — коварных интриг, которые плетут прожженные негодяи, прикрывающиеся маской меньшего зла, такие как лорд Зенн и советник Айзермар; хитрости императора Цицерия, желающего любой ценой выиграть для Алого Замка крупную долю влияния за границами Восточной Империи. Не ждал лишь мальчишку, решившего поиграть со смертью в интересах государства.

— Зачем ты помогаешь мне?

— Я не могу теперь отступить, — Тарри утер слезы. Факел лежал на полу, плюясь последними искрами, но это не смущало молодого лорда. Кровь ульфэ позволяла ему отлично видеть в темноте, именно благодаря этой способности он смог сориентироваться в кромешном мраке, созданном его приспешниками, и нанести свой роковой удар. — Утром будет суд. Тебя объявят виновным. Когда они явятся в камеру, чтобы исполнить приговор... Ты будешь уже далеко. Не отягощая мою совесть

второй смертью. Убирайся отсюда. Корабль Канто доставит тебя в любой уголок известного мира...

Элет молча открыл дверь камеры и оказался лицом к лицу с неудачливым убийцей, человеком, лишившимся своего права на благородство. У сильфа возникло сильное желание расправиться с лордом Тарри здесь и сейчас.

— Ты хочешь убить меня, сильф? — догадался Тарри. Его глаза лихорадочно блестели во тьме. — Давай, бей! Я не хотел ее смерти, клянусь! Я делал все в интересах государства. Я не хочу войны. Айзермар лжет, говоря о том, что я заинтересован в торговле с Тхургольном! Я мог бы торговать и в военное время, через посредников — на этом я бы нажился еще больше... Я не хочу войны, я видел одну войну в детстве. Она унесла жизни всех, кого я любил. Смерть Арадвед предотвратит новую бойню, спасет сотни людей. Это будет достойная жертва миру...

— Я не собираюсь убивать тебя, — Элет с трудом поборол искушение немедленно вцепиться руками в горло молодого политика, который, повзрослев, унесет в интересах государства еще не одну сотню жизней. — Мне жаль тебя. Когда-нибудь и твоя смерть станет в интересах государства, и ты будешь убит, также подло и дерзко. Возможно, своим другом или сыном, человеком, которого ты любишь, и которого славно научил, что это значит — действовать в интересах государства.

Тарри промолчал, утирая кулаком последние слезы. Скоро он разучится плакать. Таким же в молодости был лорд Зенн, советник Айзермар и сам император Цицерий. Подняв с каменного, грязного пола догорающий факел, Элет раздул его и, не оборачиваясь, двинулся по единственному коридору мимо многочисленных камер, пустых и обитаемых. Направляясь к выходу из подземелий, к звездному небу и запаху полевых цветов, которые так любила леди Арадвед. Лорд Тарри дэ

Лароун, потомок проклятой крови ульфэ, проводил его взглядом холодных, лишенных всякого сострадания глаз.

10

— Отчаливаем, Тмэр.

— Элет! — гольен выронил канат, который только что сосредоточенно связывал в сложный морской узел. — Что ты здесь делаешь?!

— Бегу, — коротко ответил сильф, запрыгивая на палубу низкой, почти касающейся носом воды гольенской яхты. — Режь канаты. Не знаю, когда они хватятся меня...

— Нельзя! Элет, утром будет суд, твое бегство — лучший повод объявить тебя виновным.

— Я объявлен виновным заочно, — прервал его сильф. — Хочешь, чтобы я вернулся в камеру, и ждал, пока меня вздернут рядом с флагом Алого Замка?

— Откуда такая уверенность?

— Лорд Тарри, — Элету не хотелось говорить о разговоре с юным интриганом. — Это он. Его замучила совесть, и он позволил мне бежать...

В правдивости лорда Тарри Элет сомневался, как и в том, что молодой интриган действительно решил дать сильфу уйти, но разговаривать об этом с Тмэром не хотелось.

— Святые боги... — Тмэр потер рукой пересекающий лицо шрам. — Многого я мог ожидать, но только не этого... Элет, ты зря пришел сюда. Тебе нужно попасть на корабль Канто, его судно быстроходнее, нас могут перехватить... К тому же ты не собирался ехать со мной в Тхургольн — там ты окажешься в ловушке, Канто же отвезет тебя в Крондари...

— Тмэр, — терпеливо прервал его сильф. — Режь канаты. Канто не плывет в Крондари. Он вообще никуда не поплывет.

Нукер замолчал, пристально глядя на своего старого друга, потом развернулся и свистнул команду, приказывая отдать швартовые. Яхта, покачиваясь, отошла от пристани, и, скользя по сверкающей водной глади, отражающей тысячи звезд, выпавшие в небе над Алым Замком, понеслась на юг.

Элет стоял на корме, глядя на удаляющуюся громаду черного камня, стоящую на холме, на город, сверкающий тысячей огней, не уступающих звездному небу. Он смотрел на столицу Восточной Лиринской Империи, пока она не превратилась в едва заметную сверкающую точку на быстро светлеющем горизонте, окрашенном алым цветом восходящего солнца.

— Канто... кто бы мог подумать, что он в сговоре с дэ Лароуном, — поморщился Тмэр Сабашю. Элет обернулся. От гольена пахло соленой рыбой и морем. — Ты не можешь ошибаться, Элет? Может быть, Тарри солгал тебе?

— Он ничего такого не говорил про Канто, только настойчиво отсылал меня на его корабль, — медленно проговорил Элет. — Тарри действовал не один. Кто-то держал меня, пока наш молодой лорд делал свое черное дело, а, кроме тебя, самого Тарри и цвирга, один лишь Канто хорошо видел в темноте.

— Кронд, — поморщился Тмэр. — Никогда не верил в эти байки, которые они сами распускают про себя. Что мы, в сущности, знаем о крондах? Или о цвиргах?

— Или о людях, — тихо добавил Элет.

Ветер донес до него приторный запах полевых цветов.